

18+

Виктор Завидей

ДЕТИ ИШИМА

Книга 3. Океан

Виктор Завидей

Дети Ишима. Книга 3. Океан

«Издательские решения»

Завидей В. И.

Дети Ишима. Книга 3. Океан / В. И. Завидей — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748118-6

Повесть «Океан» завершает трилогию под названием «Дети Ишима». Увлекательно в живой манере описаны приключения главного героя в детстве, юности и зрелом возрасте. Легкий стиль изложения, образность выражений и музыкальность звучания не позволят спутать данное произведение ни с каким другим. Каждый читатель обнаруживает в нем свое.

ISBN 978-5-44-748118-6

© Завидей В. И.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Пролог	9
Путевые заметки	13
В путь	13
Принцесса пиано	16
Спецшкола	20
Последнее лето в Волынском Иерусалиме	22
В поисках рая	27
Дикий берег	29
Дельфины	30
Атлантида	34
Гуру	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дети Ишима

Книга 3. Океан

Виктор Иванович Завидей

Редактор Наталья Николаевна Завидей

© Виктор Иванович Завидей, 2024

ISBN 978-5-4474-8118-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Повесть «Океан» завершает цикл трилогии, объединенный одним названием «Дети Ишима». Все три части повести основаны на реальных событиях и персонажах. Вместе с тем, это произведение никак не является строго автобиографическим. Повесть может быть отнесена к смешанному жанру с захватывающими авантурными сюжетами героя в юности и философским осмыслением происходящих событий и явлений, пришедших к нему с возрастом и изложенных в иронично сатирическом тоне. Наряду с описанием реалистических эпизодов мне иногда приходилось прибегать и к мистификации некоторых явлений, но это всего лишь прием, позволяющий отдельным сценам придать выразительность, объемность и гармонию.

Всю свою жизнь автор отдал знакомству и изучению строгих наук, которые, хочется нам этого или не хочется, повлияли на его характер и восприятие мира наподобие того, как занятия ученых древности превращали их в умах народа в магов, мудрецов или алхимиков, которые были озадачены получением эликсира бессмертия и поиском философского камня. Так увлечение автора задачами осуществления полетов к другим планетам, начинавшиеся с самого детства, в зрелом возрасте привели к тому, что он уже воспринимал бесконечную в пространстве и во времени Вселенную наподобие своего товарища, и даже окрестил его Океаном.

Повышенный интерес к космосу и Вселенной рано или поздно приводит человека к попыткам постичь замысел Творца, понять устройство Мира и законов, управляющих его жизнью. Такими людьми в древности становились философы, астрономы и алхимики, а более в поздние времена этим начали увлекаться и физики. А сейчас только физиков и занимают вопросы, связанные с пониманием пространства и времени, которые фактически восходят первопричинам рождения Вселенной и которые на бытовом уровне можно отнести к компетенции Творца. В этом стремлении человека постичь все тайны Мира тоже скрыто свое противоречие, или как говорят дуализм. Интуитивно об этом говорил еще поэт Беккер: «Пока наука не сумеет открыть источника жизни, а в море и на небе будут бездны, неподдающиеся исчислениям; пока человечество, идущее вперед не будет знать, куда идет; пока для человека будут тайны... Пока разум и сердце продолжают сражаться... Пока живут надежды и воспоминания... Пока будет жить, хоть одна красивая женщина, – будет поэзия и будет любовь». И с этими словами трудно не согласиться. Не всегда снятие таинственного покрова с такого Божьего создания, как женщина, и разложения ее на элементы, сохранит ее неповторимое очарование. Но человек, даже понимая это, все равно не может отказаться от пагубной привычки все понять и разложить по своим местам. И в этом тоже кроется противоречие Мира.

Автор, к своему стыду тоже может себя отнести к сообществу людей, пытающихся все понять и систематизировать. Как и многих других, его с некоторых пор занимали общие вопросы устройства мироздания и человеческого общества. Он, как и многие другие, задавал себе бесконечные вопросы и, также как и многие другие, не мог найти на них ответов.

«Почему, – задавал себе вопрос автор, – жизнь одних складывается успешно и счастливо в гармонии с окружающими миром, а другие, даже не успев поверхностно ознакомиться с ним, уходят на виселицу? Что двигает человеком с первых минут его появления, и почему у одних жажда познания и открытия для себя мира проходит быстро, а другим не хватает всей жизни, чтобы утолить эту потребность? Автор, также как и остальные, задумывался над сложными вопросами, что же собой представляет жизнь и почему она так скоротечна?»

Его, как и многих, занимали вопросы судьбы, своего места и Пути. Не чуждался он таких земных вопросов, как что такое счастье и любовь? И что такое красота, за что ее так ценят люди? Ну, и многие другие.

В силу своей любознательности, он не только посвящал все свое свободное и несвободное время изучению физических наук, но, в известной степени, старался постичь премудрость

различных философских учений, в том числе и философию йогов. Копался в древних манускриптах, пытаюсь понять мудрецов далекого прошлого. Поэтому, по старинному обычаю, и его можно было бы причислить к племени алхимиков.

Но поскольку в последнее время этот термин незаслуженно отправлен на задворки истории, он решил основать свой новый орден, в который посвящают тех, кто в нынешнее время не может быть причислен к ордену алхимиков. Как некогда испанец Сервантес присвокупил к ордену Странствующих Рыцарей славного и бесстрашного рыцаря Дон Кихота Ламанчского, так и автор обосновал новый, отсутствующий до этого, орден «Странствующих Алфизиков». К этому ордену автор затем присвокупил и героя этого произведения. По этой причине главный герой и был им наречен Алфизиком. По мнению автора, это имя не очень благозвучно, но дело не в названии, а в существе. Автор все же надеется, что эта неблагозвучность со временем сгладится и, по существу, имя или звание алфизика будет синонимом такому красивому и редкому в настоящие времена званию, как алхимик.

Строго говоря, это предисловие автору бы следовало поместить в его первом «творении» под названием «Двадцатый ре-минорный», а не в последнем, но произошла загвоздка, в силу которой ему пришлось написать вторую повесть под названием «Возвращение», а затем и третью – под названием «Океан». Первоначальные его намерения были более чем скромны, он намеревался напомнить своим друзьям, подружкам и его любимым учителям лишь о том, что он помнит о них и любит, несмотря на время и перемены, и постарался изложить это все предельно лаконично, не тратя попусту чернил и бумаги.

Метаморфоза, или по его выражению загвоздка, произошла в силу того, что это первое произведение вызвало повышенный интерес не только его друзей и товарищей по так называемой Ишимской республике, где все они провели более чем счастливое детство, но и более широкой аудитории читателей. И они, включая знакомых и незнакомых ему земляков и не земляков, в один голос требовали продолжения «банкета», то есть продолжения повести, причем уговорили автора расширить число героев, географию и время описываемых событий. Мягко говоря, вместо нескольких месяцев работы, которые автор решил отвести этой своей легкомысленной затее, на нее ушло около трех лет. И в настоящее время мы имеем то, что имеем.

Другой мотив, который двигал автором, заключался в том, что, по его мнению, «карточные долги» необходимо рано или поздно возвращать, чтобы соблюсти хоть какие-то рамки приличия. По его мнению, так же как и по мнению йогов, в мире все должно быть уравновешено. А поскольку военные действия, которые вел в детстве главный герой против своих учителей, закончились с большим перевесом в его пользу, то и его долг перед ними был соответствующей величины. Достаточно сказать, что из-за его увлечений одному из его учителей едва не оторвало руку, а другой – чуть не окончил свой жизненный путь сердечным приступом. Так вот эти самые, и многие другие учителя, заслуживали достойную компенсацию за понесенные ими издержки. Автор считает, что его многолетний труд и будет некоторой платой за причиненные им убытки, но с этого момента он считает свои обязательства выполненными полностью.

Что же касается лейтмотива повести «Дети Ишима», то он связан с поиском героя своего Пути в попытках постичь Душу Мира, освоить Всеобщий язык и прийти к истинам, которые в начале Пути им отвергались по причине его душевной простоты.

Мягко говоря, в этих идеях, по терминологии алхимиков, и содержится открытие Эликсира Бессмертия и Философского камня. В своих странствиях по миру, автор ввергает героя в различные подчас не простые жизненные ситуации, которые бросают его из стороны в сторону, но, несмотря на это, его жизнь не теряет некоего направленного движения к выбранной им в детстве цели или пути.

Со временем герой приобретает жизненный опыт, осмысливает со всех сторон происходившие с ним события и приходит к убеждению, что в его, на первый взгляд, случайных

блужданиях по жизни отчетливо просматривается чья-то «рука». Он припоминает, что в своих исканиях часто обращался к некому мысленно созданному им образу под названием «Океан». И обнаруживает, что именно «Океан» сопровождал его по жизни и являлся его своеобразным «Учителем» и Хранителем. Океан давал ему самые разные жизненные уроки и как бы испытывал его на прочность в его движении, в направлении им же выбранной цели.

Вся история героя этой провести иллюстрирует нам то, что Океан, Вселенная или иными словами Бог, всегда приходит на выручку тому, кто следует своему Пути в постижении Всеобщего языка Мира. Если последовать за автором и другими авторитетными людьми и классифицировать алхимиков, как и алфизиков, по принадлежности их к определенному типу ученых или Магов, тогда среди них обнаружатся несколько основных типов.

Одну группу составляют такие, которые пытаются обратить свинец в золото, думая лишь об одном. Они сами не владеют тем предметом, которым занимаются. Их знания поверхностны, расплывчаты и туманны.

Другие пытаются открыть философский камень, знают свой предмет и считают, что Всеобщий язык направлен к сердцу, а не к уму.

Но есть и такие, которые, не ведая об этих науках, своей жизнью постигают Всеобщий язык и открывают для себя философский камень. По мнению автора, герой этого творения алфизик, как раз и относится к третьему типу алхимиков прошлого.

Пролог

*Сын мой, того берегись
составлять много книг – конца не будет,
и много читать – утомительно для тела.*
Экклезиаст

Жизненные истории часто бывают столь же уникальны, как и люди, которые их рассказывают. Ну, а лучшими из них, конечно, являются истории с неожиданным, но хорошим концом. Пессимисты, однако, уверены, что все истории заканчиваются примерно с одинаковым концом, но оптимисты, что с ними не делай, в каждой истории неизменно желают видеть позитивный конец. Они, как лучшие представители человечества, пытаются играть с судьбой, в надежде остаться если и не в выигрыше, то хотя бы свести с ней счет в ничью. Так и автор, играя с судьбой в рулетку, оказывается верен себе и, на любой вызов темных сил, пытается подсунуть ей под нос кукиш в виде истории с хорошим концом, в которой с очевидностью проступает действие светлых сил или добра.

Восстановив отчасти свою память и впечатления из своего далекого детства, автор решил честно признаться читателю, что он собрался было уже покончить с этой тематикой, опасаясь надоесть ему в конец. Конечно, тема детства, дружбы и любви хоть и хорошо представлена в мировой литературе, но все еще далека от своего завершения и, скорее всего, закончится с концом человечества. Автор даже неоднократно давал себе зарок больше не браться за перо, отдавая себе отчет в том, что труд этот по нынешним временам неблагодарный, как оно и было всегда. Случалось, правда, так, что слава и все остальное приходили к «бумагомарателям» с некоторым запозданием, и они так и не сумели воспользоваться в этой жизни плодами своего творчества.

Имея, конечно, из сплетен некоторое представление о человечестве, автор допускает, что некоторые лучшие его представители могут подумать и того хуже, что он на старости лет сбрендил и пустился во все тяжкие, чтобы писательством стяжать себе «презренных» динариев или лавровых венков. Поэтому, чтобы сразу развеять темные подозрения народных масс относительно светлого образа автора, он авторитетно заявляет, что впредь собирается писать для себя или для двух-трех человек, принимающих автора со всеми его недостатками и пороками. А то наберется духу и выбросит эту болезнь к сочинительству из своей головы. Хорошо известно также, что человек велик своими намерениями, и автор, не отделяя себя непроницаемым барьером от человечества, тоже страдает этой болезнью.

Прошло не так много времени с той поры, как автором был завершен его очередной «опус», и в дело вмешались силы справедливости и добра в образе спутника по жизни автора, которые объявили «писателю» ультиматум по всем фронтам окружающей его действительности. Эти силы заметили, что со стороны автора было полным свинством уделять столько внимания малознакомым, а то и незнакомым персонажам, из своего и даже не своего далекого прошлого. И дело здесь даже не в описании его любовных приключений и похождений, по большей части которым истек срок давности, а хотя бы из чувства справедливости к окружающим его сейчас людям.

Автор приводил неоспоримые доводы и аргументы, из которых следовало, что было бы несправедливым обвинять его во всех смертных грехах, да еще в придачу к повышенной склонности к прекрасной половине рода человеческого. Он всего лишь одно из Божьих творений и располагает лишь тем, чем его наделили те, кто сидит там «наверху», в том числе и любовью ко всему прекрасному. И если уж к кому и предъявлять претензии, так это к нему «Самому»,

а во всем остальном его дело сторона, и он, как Понтий Пилат, умывает руки от приписываемых ему слабостей.

Не станем же мы осуждать каких-нибудь темпераментных козлов или медлительных черепах лишь только за то, что Творец сотворил их такими, а не другими. Но в целом, автор, будучи человеком справедливым и объективным, согласен с критическими замечаниями в свой адрес и дал обещание, что, насколько это возможно, постарается выправить ситуацию в будущем. Может по этой причине, находясь в противоречии даже с самим собой по части намерений продолжить бумагомарательство, он вынужден был напрячь свою память в попытках оживить картины из своего не очень далекого прошлого и «намалевать» образы близких ему людей этого периода времени. Конечно, если кто из читателей заметит в написанном позитив или обнаружит в главных героях качества, близкие к самому себе, то против этого автор ничего иметь не будет.

Начиная с детства, а точнее начиная с того возраста, когда автор начал понимать, что такое хорошо и что такое плохо, он старался держаться от плохих людей подальше. Более того, убежден, что чем в мире окажется больше людей с позитивными качествами, тем самым, мир как бы изменится в лучшую сторону. И такому обстоятельству он будет только рад, поскольку сам всегда приходил в хорошее состояние духа, если нечто подобное и ему удавалось обнаружить в мире, людях, или написанном. Хоть по жизни ему и попадались люди с различными, даже далеко не лучшими качествами, но упоминать их все автор не намерен.

Внимательный читатель не мог не заметить, что автор уже раньше объяснял свою точку зрения относительно книг, музыки или хороших людей. Может по этой причине, в его книгах совсем нет отрицательных героев, на что ему уже указывали и делали свои неодобрительные замечания внимательные читатели. Но автор всегда твердо стоял на своем и с беспримечным упрямством утверждал, что писать о плохом он не намерен! Поскольку, если ему в жизни попадались хорошие книги, они всегда становились его лучшими друзьями, с которыми он старается не расставаться на протяжении всей своей жизни. А кому нужны плохие друзья? Плохие друзья – они и вовсе не друзья.

Что же касается музыки, автор в глубине души считает, что язык музыки с успехом мог бы заменить другие языки, на которых безуспешно пытается объясняться человечество, совершенно не понимая при этом друг друга. Музыка может пролить свет и на не очень правильно подобранные слова. Поэтому, чтобы быть лучше понятым, все его творения идут в сопровождении музыкальных произведений, наиболее близко соответствующих духу, а не букве написанного.

Следуя, как и раньше, своим принципам, автор сообщает читателю, что приводимые им зарисовки навеяны реальными событиями из жизни близких ему по образу мыслей или духу реальных людей. А если он иногда и прибегает к фантастическим аллегориям или к мистике, так это всего лишь для того, чтобы читатель не расслаблялся, а сосредоточил свое внимание и постарался взглянуть на происходящее с точки зрения автора. Он убежден, что загадочного и таинственного в жизни более чем достаточно, и это становится очевидным, если заранее не занимать противоположной точки зрения.

Происходящие и описанные ниже события всплывают в памяти автора случайно, и иногда ему для этого достаточно какого-нибудь толчка или музыкальной фразы, чтобы перенести его неизвестно куда. Поработав еще в детстве над своим воображением, автор научился без труда оказываться в таких местах, в каких никогда не был или мог встретиться с людьми, с которыми никогда не был знаком даже шапочно. Говорит он все это для того, чтобы незнакомый ему читатель мог понять и простить эти странности его характера.

Автору как-то довелось услышать одно любопытное высказывание о том, что если с вами случилось что-либо, то маловероятно, что с вами это произойдет еще раз. Конечно, данное

выражение подчеркивает роль случайности в этом мире и наводит на мысль о необходимости ценить каждое мгновение жизни, поскольку оно неповторимо.

Случается иногда и так, что то же самое явление, которое произошло некогда, происходит с вами вторично. Вот в этом случае нужно быть начеку! Автор берет на себя смелость утверждать, что подобный случай непременно произойдет с вами и в третий раз. Такие обстоятельства возникают значительно реже, но они косвенно указывают на то, что вокруг вас существует неизвестное поле притяжения, или вы окружены духами, которые и способствуют появлению в вашей жизни подобных фантомов. Хорошо еще, что случай, который с вами произошел – безобидный, и не привел к далеко идущим последствиям, но возможно и обратное, и тогда все это с очевидностью свидетельствует, что вы окружены темными силами и, рано или поздно, станете их жертвой.

Что касается автора, как это следует из его опытов в области бумагомарательства, его связь с не совсем «чистой» силой просматривается давно и невооруженным глазом. Он сам неоднократно признавался читателю в этих своих подозрениях. Во-первых, замечал, что, начиная с того возраста, когда у него выкристаллизовалось осознание своего собственного «я», с ним периодически – раз в три, иногда пять лет – происходили довольно занятные случаи. Они были такого порядка, что по всем законам, и ни под каким соусом, он не должен был бы впоследствии перепачкать такого количества чернил и бумаги на никому не нужную писанину. Мало того, не натворил бы всего того, что успел натворить за подаренное ему сверхурочное время.

Но всегда вмешивались другие силы света или добра, которые как бы вытаскивали его из тех обстоятельств, в которые он попадал. Складывалось впечатление, что кто-то приберегал никому не нужную его жизнь для каких-то своих неизвестных потребностей и планов.

Видимо по этой причине, у автора неоднократно проскакивали намеки читателям о своих тайных связях с другими мирами, которые формируют судьбу каждого. Припомним ему сказанные сгоряча, безобидные на первый взгляд, выражения такие, как: «От судьбы не уйдешь, а спорить со звездами обойдется себе дороже!», или «После этого случая всё, что касается моего ближайшего и отдаленного будущего, я, как вы и сами заметили, сверяю со звездами». Ну и, наконец, не двусмысленное выражение – «что, если звезды будут к нему благосклонны, то он вернется назад в прошлое и наполнит утекшее время живыми образами тех, с кем ему пришлось столкнуться на перекрестках и дорогах своей жизни». Видимо звезды и на этот раз вынудили автора взяться за перо, против его собственного желания, конечно.

Один из таких периодов деятельности автора пришелся на время, когда ему пришлось принять активное участие в уникальной программе прошлого века, в подготовке марсианской экспедиции, практически с ее начального этапа. Этот период оставил у читателя больше вопросов, чем ответов. Так в частности, в одном из своих предыдущих творений, «марсианскому периоду» времени уделено не более половины листа из ученической тетради. Может быть, поэтому читатель так несерьезно отнесся к этому временному периоду жизни автора и героя повести, что решительно не придал ему никакого значения.

Может быть, читатель подумал, что автор немного приврал, чтобы придать себе таинственности или слегка приукрасить унылую окружающую действительность. Конечно, как ни крути, но сочинительство всегда требует изрядной доли вранья, здесь автор и не намерен дальше кривить душой перед доверчивым читателем. Поскольку ему ясно, что заурядная марсианская тематика вряд ли может заинтересовать и увлечь народ, тем более, что в представлении автора ничего привычного фантастического, к чему нас приучали писатели фантасты прошлого, в истории, которую он собрался поведать читателю, – и не пахнет.

Автор также уже давно признавался читателю, что планетами, звездами или туманностями, а также загадочными метеоритными дождями, он заразился и сблизился еще в детском возрасте. Может быть, по этой причине, таинственный, но светлый мир платит автору той же

монетой, и на протяжении всей жизни приходит к нему на выручку, как в небесных, так и в земных делах.

К сожалению, автор сейчас находится далеко не том возрасте, когда далекие миры занимают все его воображение. Хотя, как и раньше, он любит поглядывать на мерцающий звездный небосвод, но ему уже больше по душе не грохот космодромов и старты ракет. Ему уже больше по душе зеленая трава у дома или на лужайке с журчащим ручьем, если при этом, как говорил один поэт – «с ним находится красавица доброго нрава и бездонный кувшин вина, заодно».

Несмотря на это, давненько замечал странность в устройстве своего организма и отмечал, что однозначно утверждать, что ему по душе в данный конкретный момент времени, он бы не взялся ни под каким соусом. Временами, ему, как и раньше, хочется вернуться в беззаботное детство и снова ощутить буйство красок и ароматы окружающего мира, то есть ощутить жизнь в самых ее лучших проявлениях.

В другой раз, ему представляются более занимательными дни юности, хоть и не столь беззаботные, но зато до краев наполненные фантазиями и любовными приключениями. Он утверждает, что и подобные земные эпизоды выглядят, не менее увлекательно, чем полеты во сне или к дальним планетам, тем более, если в сюжет написанного войдут сцены установления контактов с другими разумными существами, особенно, если они будут относиться к прекрасной половине этих существ.

В недоступных нам глубинах нашего сознания скрывается много непостижимого, но любопытнее всего то, что это невидимое подсознательное время от времени приводит в действие силы, которые самым непосредственным образом меняют нашу реальную жизнь. Стоит случайно прикоснуться к невидимому миру или всего лишь приоткрыть этот ящик Пандоры, как оттуда начнут выскакивать химеры наших скрытых желаний и фантазий. И это еще не самое скверное, что может случиться. Ведь сны нашего разума непредсказуемы.

Я заранее не знаю, что из всей этой затеи получится. Возможно, что история, которая всплыла в воображении автора, если конечно она будет дописана, будет выглядеть достаточно любопытной, а может быть даже загадочной. Возможно! Во всяком случае, как говорил автору раньше его духовный наставник, если тебя что-то схватило за душу, то нужно стараться доводить начатое до конца, хотя бы для успокоения своей души. Что же касается истории, которую автору хочется рассказать самому себе, то, даже не забегая вперед, можно сказать, что она в том или ином разрезе будет в контексте событий, описанных в его более ранних «творениях», и подчинена тому же замыслу. Во всяком случае, чтобы не произошло, не принимайте ничего близко к сердцу. Не зря же говорят, что путь к необычному лежит через обыденное и повседневное.

Путевые заметки

В путь

Когда приходит время или мне надоедает абсолютно все, в меня, как и раньше, вселяется бес в виде неодолимой тяги к перемене мест. Это происходит со мной так же, как и в дикой природе с некоторыми видами рыб или перелетными птицами. Известно, что лососевые породы живут в воде соленых морей, а угри, например, обитая в Саргассовом море, появляются на свет в чистой талой воде пресноводных рек. Где бы и когда не застало их время, они возвращаются к тем местам, где появились на свет, невзирая на расстояние, сложности преодоления каменных перекатов быстрых горных речек. Они стремятся туда, где впервые увидели свет, чтобы воспроизвести себя в потомстве, повинаясь вечным законам инстинкта и бога.

Точно также, в назначенный час в дальние и незнакомые места неодолимо тянет и меня. Меня тянет туда, где я появился на свет или туда, где минули годы детства. На этот раз, под конец лета, меня неодолимо потянуло бросить все свои дела и отправиться туда, куда глаза глядят, но лучше подальше. Не без помощи моей спутницы по жизни, конечно, мои глаза в тот день глянули в сторону южного побережья соленого, но теплого моря. Оказав ей для видимости сопротивление, я согласился.

Мы побросали в чемоданы самое необходимое, и уже через сутки катили в сторону юга к солнцу и воде, не имея никакого представления, в каком месте нам остановить дальнейшее перемещение. Как обычно, в условиях полной неопределенности дальнейших планов в дело вмешался случай в образе молодой женщины, подсевшей в наш поезд в районе Туапсе, как раз в том месте, где поезд делает резкий поворот налево и направляется вдоль побережья в сторону субтропиков.

Стрельнув в нас опытным взглядом, энергичная пассажирка предложила нам сойти на ближайшей остановке и сообщила, что все остальные более отдаленные места для отдыха ничем не лучше этого, а может быть и хуже. С этим я охотно согласился, поскольку того, что находится у нас в близкой окрестности, мы склонны не замечать, и такие качества, вероятно, свойственны всей человеческой природе. Нам всегда кажется, что то, что нам не принадлежит, лучше того, что мы имеем. Иначе говоря, то, что находится далеко, часто представляется нам лучше того, что находится перед собственным носом. Таким образом, не прошло и часа, и мы уже были на месте в частном пансионе маленького курортного городка под названием Лоо.

Середина сентября, но тепла и солнца еще хоть отбавляй. Бросив сумки, мы с подругой, предварительно посоветовавшись с нашей хозяйкой, отправились к морю. Спутник по жизни у меня хоть куда, и этим она мне нравится. Я бы сказал даже больше, чем нравится, но побаиваюсь впасть в пафосный тон. В этих делах, как и с горячительными напитками – лучше слегка недобрать, чем перебрать. Да еще мне мама моя говорила раньше по этому поводу: «Сыну, жинку свою люби, як душу, но тряси, як грушу!» Из моих наблюдений, поговорка мудрая, как и все, что придумано народом. Вы сами посудите, сколько себя помню, стоит у меня зародиться намерению куда-нибудь податься – ну, хоть бы к самому черту на рога, – можете быть уверены, не пройдет и часа, как мой спутник по жизни уже будет меня поторапливать со сборами.

И тогда у меня возникает смутное ощущение, будто бы идею, которую я высказал вслух, она вынашивала сама и давно. Быть может, я уже и передумал отправляться к самому черту на рога. Может быть, у меня уже созрел новый план, и появилось желание отправиться не туда, а совсем в другое место. Так нет, будьте уверены! Она напомнит мне о моей забывчивости, а при этом еще припомнит не один десяток похожих случаев, когда я пребывал в нерешительности и стоял на месте, как Буриданов осел, не зная куда двигаться и с чего начинать.

Вы думаете, что сравнение меня с таким полезным животным, как «осел», обижает или оскорбляет? Так скажу вам по совести, что нет – не оскорбляет нисколько. Осел в моих глазах – мудрейшее на земле животное, и нечета такому виду животных, как человек.

Один из моих восточных друзей как-то объяснил мне истинное значение понятия «Буриданова осли», и я с ним полностью согласен. Ну, скажите откровенно, когда вы перед собой видите на столе пару бутылок вкусного и полезного напитка, что вы предпринимаете? Вы заранее радуетесь, потом направляетесь к столу, быстро хватаете любую из них и начинаете праздник. Так вот, в этом-то все и дело. И это выдает ваши умственные способности с головой! Почему одну бутылку вы предпочли другой? Чем она лучше? Ведь как в одной, так и другой находится одинаковое количество и качество содержимого.

То ли дело Буриданов осел! Видя перед собой две одинаковые копны сена, будучи отягощенный разумом, не может предпочесть из них ни одну, прекрасно понимая, что одна копна сена не имеет никаких преимуществ перед другой. И вот так, пытаясь разрешить этот неразрешимый вопрос, он умирает от голода!

Возвращаясь же к своей спутнице и нашим планам на отдых, я много раз зарекался не раскрывать ей эти самые планы и намерения до последнего, но у меня до сих пор так ничего и не выходит. Последние годы у меня появляется желание махнуть куда-нибудь одному, как и большей части женатого населения планеты. Может, сказываются стаж и годы времен полной свободы и одиночества? Из-за бунтарских настроений я иногда говорю себе: «Все! Баста! Это был последний раз. В следующий раз уйду или уеду в пампасы один». Но потом, когда приходит время отправляться в путь, я как бы забываю об этом. Старею, наверное, и память заметно слабеет. И я говорю себе, она для меня – прежде всего друг, и самый лучший друг в мире. А куда же без друга? Как раз настоящего друга только и стоит брать с собой, когда отправляешься в неизвестность.

Как бы там не было, но в настоящий момент мы уже находимся на общем пляже этого небольшого городка, с переполненным отдыхающим людом. Я присаживаюсь на крупную гальку. Мой друг стоит рядом, как бы на дежурстве. Отдыхающий люд отдыха мне не приносит. И не подумайте, что я столь привередлив в вопросах отдыха. Можете поверить на слово – в вопросах отдыха, еды, или выпивки – вы не найдете более покладистого человека, чем я, лишь бы всего этого было в избытке.

Зайти в море на этом пляже почти невозможно, не переломав свои уже неоднократно переломанные конечности. Все мелководье усеяно крупными камнями, напоминающими по виду яйца динозавров. Даже, если вы верх осматрительности и пытаетесь для равновесия, раскинув руки во все стороны, пройти между ними, то через шаг, другой, все равно, как инвалид или паралитик, валитесь на бок, подняв при этом высокую волну.

Для того, чтобы добраться до воды в этом месте пляжа, нужно прямо с берега стать на четвереньки. И так, постепенно погружаясь, добраться до того места, когда можно уже лечь на воду. Далее, цепляясь за валуны, доплзти вплавь до того места, где валуны перестанут противодействовать вашему перемещению вперед. Выход из воды ничем не отличался от захода в воду, только протекал в обратном порядке.

Все это мне вскоре надоедает, и так валяясь под солнцем, я погружаюсь в далекие воспоминания времени, перед проникновением в студенчество, и когда после его завершения отправился к маме на последние летние каникулы.

Одно происшествие случилось в то время, когда автор в юном возрасте отправился в путь с намерением посмотреть мир и даже совершить кругосветное путешествие. Но по причине пустых карманов вынужден был на время приостановить его, бросив якорь в гавани одного из южных городков Украины. За время пребывания в тех местах, он, если так можно выразиться, одумался и, изменив резко свой курс, двинулся в другом направлении. Другой случай произошел во время студенчества, когда у него, хоть и ориентировочно, уже начал прорисо-

ываться дальнейший маршрут его движения по жизни, а третий, – после завершения учебы и возвращения в родную гавань, откуда он начал свое бродяжничество.

Но все по порядку. Мы с читателем сначала вернемся ненадолго в южный шахтерский городок на юге Украины и встретимся с нашим героем в последний год его пребывания там. Городок, где по его словам, он встретился с замечательными людьми. Встретился там, по его словам, – с первой любовью своей юности (если, конечно, герой говорит нам всю правду). И конечно, как городок, так и его обитатели оставили у героя в памяти самые лучшие впечатления. А разве может быть по-другому? По мнению автора, те места, где мы сталкиваемся с хорошими людьми или встречаем любовь и являются самыми замечательными на планете, поскольку только люди изменяют весь окружающий мир до неузнаваемости, как в одну, так и в другую сторону.

Затем переместимся в его студенческие годы ближе к их завершению, далее выборочно дойдем и до тех лет, когда он попал в организацию, готовившую увлекательную экспедицию на Марс. Собственно эта часть повествования и является главным мотивом третьей части трилогии «Дети Ишима» под названием «Океан».

Принцесса пиано (быль)

Chopin Piano Concerto No. 3 (Part 1—2)
Friedrich Kuhlau – Piano Concerto Adagio

Первый свой опыт «педагога» я получил после того, как провалил последний четвертый, профилирующий, устный экзамен по физике. Я озадачился недостатками своего образования в части доходчивого объяснения физических и других жизненных явлений преподавателям Физтеха. Поскольку большей частью постижение мной всяких наук проходило преимущественно в одиночестве, само собой, у меня начисто отсутствовало умение кому-либо что-либо объяснить. После провала экзамена дефект стал для меня очевидным, и я решил любым доступным мне способом устранить этот недостаток. Мне было тогда уже девятнадцать лет. Жил я один и работал на радиостанции системы гражданской обороны в южном городке Украины под названием Ровеньки, где мне пришлось остановиться на несколько лет. Для педагогического эксперимента и практики мной была выбрана лучшая школа города. Выбор на эту школу пал не случайно – я был близко знаком с одним из ее довольно способных учеников.

Моя идея состояла в формировании из учеников этой преуспевающей школы специального класса, в котором факультативно будут изучаться премудрости точных наук на добровольной для всех сторон основе. Как ученики, так и учитель, по моему представлению, должны были учиться – каждый всему тому, чего им недоставало. Для начала я обговорил свою мысль с одним из знакомых мне учеников. Эта идея нашла поддержку в директорате и у нескольких учеников старших классов. Ее поддержали и родители учеников, которые сразу же решили свести более тесное знакомство с филантропом учителем. Не прошло и месяца, как из нескольких школ города к нам подтянулись еще мальчишки и послужили затравочным материалом для других, которые подтянулись позднее.

Среди моих учеников находился некто с фамилией Кононыхин, смысленный мальчишка, который намеревался поступать в университет города Донецка. Но его родители подняли ему планку выше и уже начали присматриваться к Московскому университету, в котором довольно взыскательно относились к своим абитуриентам. У четы Кононыхиных зародилась идея, как можно теснее приблизить к своему чаду учителя-филантропа. Тем самым, чтобы у того перед глазами с утра до позднего вечера находилось наглядное ходячее учебное пособие и пример стойкости в борьбе с жизненными обстоятельствами, которые были тесно связаны с поступлением в высшую школу.

Жил я в то время в общежитии шахтеров, на окраине этого городка за железнодорожным вокзалом. Одним, а может и единственным, преимуществом такого жилья являлась возможность проезжать несколько километров на ступеньках вагонов товарных поездов, замедляющих свой ход перед вокзалом. Такой проезд был всем хорош: не требовалось оплаты, «остановки» для посадки и высадки были в любом месте, нужно лишь было внимательно следить за тем, чтобы при «входе-выходе» пассажира поезд не имел чрезмерной скорости, особенно в темное время суток.

Семья Кононыхиных состояла из трех человек: хозяина, хозяйки и собственно их чада по имени Гена. Проживали они в большом частном доме неподалеку от парка этого городка. Конечно, это место было намного удобнее, чем резиденция учителя-филантропа, расположенная почти за городской чертой. Люди эти были замечательные. Хозяину дома, в прошлом молодому шахтеру, при аварии в забое придавило руки, и он лишился их выше локтя, но, несмотря на этот недостаток, никогда не терял бодрости духа и, как мог, участвовал в жизни разных организаций своего города. Хозяйка семьи, женщина с необычайно энергичным характером, одна

поддерживала жизнь и порядок этого дома, но при том умудрялась еще где-то трудиться. Если в мире и существуют королевские титулы, то их следовало бы раздавать женщинам по типу госпожи Кононыхиной. На таких королевах держится мир! Во всяком случае, мне присвоившему этот высокий титул нашей госпоже, за всю свою долгую жизнь подобных королей видеть не приходилось.

Так вот, господа Кононыхины озадачились проблемой переместить учителя-филантропа с его дальней резиденции под крышу своего жилища. И, несмотря на сопротивление с его стороны, проделали эту операцию столь виртуозно, что не успел он опомниться, как инфант Гена и его наставник заняли почетные должности пажей ее высочества.

Под мудрым руководством королевы они участвовали в жизни дома, привлекались к выпечке разнообразных тортов, в том числе торта типа «Наполеона» с непревзойденным вкусом. Под ее управлением и контролем изготавливали в домашних условиях вкуснейшее мороженное, ну и много чего еще. С чем-чем, а с недостатком фантазий в голове ее высочества домашние никогда не сталкивались!

Инфант Гена, несмотря на свои способности к точным наукам, как мне казалось, видимо был не намерен использовать эти способности в будущем. Может к тому времени он еще не подобрал себе увлечения, которому можно было посвятить всю оставшуюся жизнь. Чаще всего он сидел с флейтой, то в помещении, то под яблоней своего домашнего сада. Из флейты он научился извлекать довольно мелодичные звуки, а иногда и мелодии – этим он и нравился своему более взрослому и серьезному наставнику.

Занятия в физико-математической школе продолжались, и вместе с этим происходило сближение учеников и учениц со своим учителем, хоть между ними и существовал двухлетний водораздел. Вскоре ученики начали приглашать своего учителя на праздничные мероприятия, связанные с их днями рождения и другими событиями. В подобной среде такого возраста среди некоторых учениц возникал повышенный интерес не только к дисциплинам, но и к проповедующему их учителю. Некоторые из учениц предпринимали попытки расширить свой кругозор в других науках, приглашали учителя посетить кино, конечно, не всем коллективом учеников. Но что было загадочно и непонятно так это то, что у учителя всегда находилась веская причина и повод уклониться от подобных предложений.

Сейчас я думаю, что этот учитель вел себя таким образом зря. Ведь на возникшую симпатию или любовь необходимо отвечать тем же или платить той же монетой, может быть тогда в мире станет больше справедливости и добра. По правде говоря, учитель того возрастного периода был еще юн и глуп, и еще не усвоил такую важную для жизни дисциплину, как любовь. Это стало совершенно очевидно после одного случая, который оставил в его душе открытую рану, которая так и не зарубцевалась до нынешнего времени. Он так и хотел похоронить эту грустную историю в глубинах своей души, но после некоторых размышлений решил вытащить ее на свет божий в расчете на то, что может выпущенная на волю история перестанет тяготить оставшиеся дни его жизни.

В тот город и последний год его пребывания в нем, без объявления войны его молодым жителям, ворвалась весна. Однажды я решил навестить одного из своих учеников, который пропустил ряд занятий, в попытках выяснить, что с ним произошло. На звонок отозвалась девочка, лет пятнадцати, с хорошеньким миловидным личиком. Она открыла дверь, показала куда идти, а сама внезапно исчезла. Я прошел к заболевшему ученику через гостиную, в которой стоял старинный рояль – вещь редкая по тем временам. Испытывая непритворную любовь к музыке и инструментам, я поинтересовался у своего ученика:

– Откуда такой инструмент, и кто в этом доме играет на нем, и, не ученик ли это?

В моих глазах, подобное увлечение подняло бы ученика еще на одну другую ступеньку выше той, на которой он находился. Оказалось, что нет – играет на нем его младшая сестренка, та самая, которая мне открыла дверь и сама куда-то незаметно пропала. Я и поинтересовался

у него, не сможет ли она побренчать на нем хоть самую малость, не ожидая от этого очень многого. Девчонка, на просьбу брата откликнулась сразу, не стала себя упрашивать и направилась к инструменту. И только тут я заметил, что у нее было что-то не в порядке с ножкой – она довольно сильно прихрамывала. Нужно сказать, что и мне самому пришлось пережить подобную драму в сходном возрасте. И уже тогда, с моим болезненным воображением, мог легко представить себе свое не очень радужное будущее, которое бы проходило без подвижных игр, девчонок, самолетов и много чего другого.

Глядя на нее, у меня защемило сердце. Я думаю, что ее мучения были вдвойне, если не больше тех, которые раньше уже пришлось пережить и мне. Она присела за инструмент, и тут я понял, насколько я оказался точным в своих предположениях. Играла она что-то из Шопена или Бетховена – страстно и самозабвенно. При хорошей технике исполнения казалось, даже сам инструмент, насколько мог, сопереживал ей.

Инструмент выдал все, что творилось у «Принцессы» пиано на душе. Это была буря бушевавших страстей, наличие которых было сложно заподозрить в душе столь юного музыканта. Моему восхищению, без преувеличения, не было предела, тем более, в подобных обстоятельствах, я не умею скрывать своих эмоций. Это дитя покорило меня полностью и окончательно. Не знаю, как бы развивались эти отношения дальше, скорее всего, мы бы с ней подружились. Я даже уверен, что мы не могли с ней не подружиться. Но мне пришло время сниматься с якоря и с этой пристани. Я готовился к финальной схватке в попытке своего проникновения на Физтех и, конечно, мысли мои в то смутное время витали далеко от того места, где находился я сам.

Странно осознавать, но, сколько себя помню, до тех пор, пока я не стал на якорь в подмосковной гавани, постоянно жил с ощущением временности своего нахождения в тех местах, куда заносила меня судьба. Моя голова была забита не текущими событиями, а теми, которые должны будут произойти в ближайшем будущем. Может по этой причине, я сразу забыл об этой встрече. С другой стороны, понимая временность всего происходящего, я не мог позволить себе оставлять любые привязанности, которые могли бы повлиять на траекторию моего, хоть и случайного, но вместе с тем направленного движения к какой-то не известной для меня цели.

Дело этим, однако, не кончилось. Прошел месяц. Наступило лето. Закончились мои занятия с учениками. Неожиданно меня встречает по дороге домой незнакомая девочка примерно возраста юной пианистки, вероятнее всего ее одноклассница. Видно было, что незнакомка специально дожидалась меня в переулке, которым я направлялся к дому. Она останавливает меня и сбивчивым голосом сообщает, что ее подруга потеряла свою голову совершенно, и вызвано это никем иным, а застенчивым учителем...?

К этому она добавляет, что учителю надлежит что-то предпринять в этой связи. «Да кто она эта подруга, и о чем речь?» – подивился я. Тут и выяснились некоторые подробности, касающиеся юной пианистки и «близорукого» юного учителя физики и математики.

После всего сказанного незнакомкой, учитель, насколько он может припомнить себе эту сцену, открыл рот и мычал в ответ что-то нечленораздельное. Что он тут не при чем! И что на нем нет никакой вины. И что у него уже есть девушка, хоть она и находится далеко от этих мест. И что его действительно поразила игра юной пианистки, в чем-чем, а в этом он нисколько не покривил душой, не имея в виду ничего такого.

Но зададим вопрос объективному читателю: «Что он мог сделать? И вообще в подобных условиях кто-нибудь может что-нибудь сделать?» Разве только последовать совету героя известной оперетты, который, беспокойно мечась по сцене восклицал: «Нужно что-то делать! Нужно что-то делать!» А потом нашел решение и воскликнул: «Нужно выпить!»

Но юный учитель в то время и этого не любил. Примерно через месяц, учитель и будущий студент навсегда покинул этот город, но из его памяти эта Принцесса пиано не уходит до сих пор... В этой связи автору вспоминаются слова замечательной новеллы Матвеевой под назва-

нием «Любви моей ты боялся зря» из старинного фильма под названием «Девушка из харчевни».

Сюжет этой песни, как будто специально написан по данному эпизоду из жизни автора. Поскольку, в наступившие новые времена эту песню уже не исполняют, автор для убедительности решил привести ее слова.

*Любви моей ты боялся зря, – не так я страшно люблю!
Мне было довольно видеть тебя, встречать улыбку твою.
И если ты уходил к другой или просто был неизвестно где,
Мне было довольно того, что твой плащ висел на гвозде.
Когда же, наш мимолетный гость, ты умчался, новой
судьбы ища,
Мне было довольно того, что гвоздь остался после плаща.
Течение дней, шелестенье лет, – туман, ветер и дождь...
А в доме событие – страшнее нет: из стенки вырвали гвоздь!
Туман, и ветер, и шум дождя... течение дней, шелестенье лет...
Мне было довольно, что от гвоздя остался маленький след.
Когда же и след от гвоздя исчез под кистью старого маляра, —
Мне было довольно того, что след гвоздя был виден вчера.
Любви моей ты боялся зря, – не так я страшно люблю!
Мне было довольно видеть тебя, встречать улыбку твою!
И в теплом ветре ловить опять то скрипок плач, то литавров
медь...
А что я с этого буду иметь? Того тебе – не понять.*

Слова этой песни на удивление подходят и к другому его жизненному эпизоду, который произошел с ним значительно позднее.

Между тем шли годы, но время от времени автор мысленно возвращался назад к той замечательной юной Принцессе пиано, жительнице мало кому знакомого южного городка. Он вырослел и, начиная с какого-то времени, ему начало казаться, что тот случай из далекого прошлого, не так уж и безнадежен. Он представлял себе, как он возвратится повзрослевшим в тот городок и снова встретит Принцессу, в том самом детском возрасте, и с глазами все еще полными слез.

Сейчас, конечно, он бы нашел повод взять ее на руки и стал рассказывать, какие-нибудь байки, напевать колыбельную из своих студенческих лет и баюкать. Он рассказал бы ей старинную легенду о двух половинках, которые бродят по миру в поисках друг друга. Еще он сказал бы принцессе о том, что где-то в мире есть и ее половинка, и она уже ищет свою. И совершенно очевидно, что она ее найдет, не может не найти! Это будет ее половинка, которая от своего друга усвоила главное правило жизни. И это правило гласит, что самого главного не увидишь глазами, а зряче лишь сердце!

Не знаю, что бы я ей еще рассказал, чтобы она услышала меня. Наверное, я бы сделал бы все от меня зависящее, чтобы прикоснуться к ее душе, затронувшей мою много лет тому назад. И чего я бы ей только не наговорил, чтобы в ее душе зазвучала музыка, имя которой «Вера», из глаз исчезли слезы, а на ее личике опять засияла детская улыбка. Ведь она такая загадочная и таинственная эта страна детства, страна любви и слез...

Спецшкола

*G. Bersanetti: Concerto in G Min.
for Four Harpsichords & Strings (Allegro)*

Не могу забыть, как на старшем курсе, один мой студенческий друг попросил меня на некоторое время подменить его в качестве учителя физики в вечерней школе. Вечерняя школа тех времен представляла собой некоторое учреждение, в которое принудительно с производства загоняли всех уклонистов, не имеющих среднего образования. Вот тогда стало понятно, что чувствовали учителя в те времена, когда в число учащихся входил я сам. Примерно таких же учеников, с похожими задатками, у меня набралось десятка два.

Понимая, что моя персона в школе временная, и у меня неостанется времени на изучение опыта Макаренки, я решил внедрить в процесс образования, придуманный по ходу свой метод обучения. На втором занятии в начале урока, я попросил у присутствующих несколько минут внимания. Обратился к ним я достаточно уважительно:

– Господа ученики, попрошу вас уделить мне несколько минут внимания, чтобы впредь у нас не возникало никаких недоразумений.

Господа ученики, за исключением двух целующихся в полутьме пар на задних партах, оставили свои занятия и обратились в слух.

– Господа, надеюсь, вы понимаете, что я должен исполнять возложенные на меня вашей школой функции, за которые мне платят вознаграждение.

Господа ученики молча, согласились с этим бесспорным утверждением.

– Тогда пойдем дальше, – продолжил я. – На раскрытие темы урока мы с вами располагаем сорока пятью минутами. Я берусь вам ее изложить, самое большое, минут за десять, и моя совесть перед вами и школой будет чиста. Если я по случаю увлекусь сверх этого времени, не забудьте мне напомнить об этом, можете даже свистнуть! Остальное время мы отдадим подготовке домашних заданий. Вы – своих уроков, а я, соответственно, – своих! Рассчитываю на ваше понимание, и что все это останется между нами, а также не сильно выплеснется за пределы нашего класса.

– Да, кстати! Молодых людей в темноте на задворках класса, это касается тоже... Потом, – повторяю еще раз, – нижайше прошу прощения учащихся с задних парт, можете вы пожертвовать несколькими минутами своего времени для общего блага или все-таки не можете?

Молодые люди, видимо заинтересованные этим предложением и перспективами, тоже ненадолго отвлеклись от своих внеклассных упражнений.

– Вот с этого мы и начнем, – сообщил я открывшим от изумления рты ученикам. – Сегодня у нас тема: «Электрические заряды, их взаимодействие и некоторые примеры из жизни, подтверждающие их существование».

В течение пяти минут я объяснил учащимся, какие заряды бывают, как и по каким законам они взаимодействуют. Оставшиеся пять минут у меня ушло на примеры из жизни.

– Обратите внимание, господа, – обратился я к своим ученикам. – На задних партах две пары учеников наглядно демонстрируют нам закон притяжения зарядов различной полярности! Если быть внимательным, то пара «зарядов» слева явно уступает по их величине и создаваемой напряженности поля, которое они формируют вокруг себя той паре, которая находится в самом укромном месте нашего класса, – справа.

– Вот как раз от тех, которые находятся правее, исходит напряженность поля такой величины, что даже нейтрально заряженный учитель, испытывает сильнейшее притяжение с их стороны, и всеми силами пытается не глядеть в их сторону. На этом Господа ученики, согласно нашим договоренностям, приступим к выполнению своих домашних заданий.

Я сел за стол, открыл бумаги и до конца урока забыл о существовании своих учеников. Этот необычный урок физики, вероятно, произвел на моих учащихся неизгладимое впечатление. По школе, среди учеников разных классов поползли слухи, что в 10-Б объявился учитель чудак, каких в этой школе еще не было, да и вообще таких учителей в природе быть не может. Учитывая, что в то время мне стукнуло двадцать четыре, а внешне я выглядел лет на двадцать, думаю, что именно это вызывало некоторый интерес к урокам физики, проводимых в 10-м Б со стороны учениц других классов этой школы.

Прошло всего несколько уроков, как вскоре я заметил, что посещаемость занятий значительно улучшилась и, более того, численность учеников в моем классе начала резко возрастать. Прибавка численности учеников шла, в основном, за счет учениц других классов, сбегавших от своих скучных учителей и уроков.

Вскоре все парты в классе были заняты, мест не хватало, и ученицы приносили с собой стулья, расставляли их в непосредственной близости от учителя. Они в коротких юбочках рассаживались в передний ряд, иногда закинув ногу на ногу, но самым внимательным образом вникали во все, что слетало с его языка. Мне уже начало казаться, что на уроки слетались не только ученицы этой школы, но и с окружающих школу дворов.

Вскоре учащиеся, каким-то образом пронюхали, чем собирается заниматься их учитель в будущем, поэтому наше взаимодействие начало плавно выходить за пределы тех формальных границ, которые учитель установил на первых занятиях. Как-никак, оканчивал он тогда факультет космических исследований, а наших старшекурсников загоняли в разные НИИ, связанные с будущей их работой. Там до нас долетали любопытные сведения из мира космоса, не доходящие до ушей широкой общественности.

Понятное дело, все это отвлекало учителя от его непосредственных обязанностей по ведению урока. Кроме того, учителя из соседних классов выказывали свое неудовольствие и непонимание вошедших в моду и выросшей популярности уроков физики, а директор школы даже подумывала о преобразовании своей заурядной школы в школу с физическим, а может быть даже космическим уклоном.

Активность класса достигла невероятного размаха. Учеников и учениц интересовало все. Где и чему учится студент-учитель? Сколько ему лет, и сколько лет еще ему осталось до завершения своего образования? Были и профессиональные вопросы: Что такое электричество? И что он собирается учить, если выучит всю физику? Надолго ли он задержится в этой школе? И нельзя ли другие уроки, например английский, поменять на урок физики? Ходит ли учитель в кино? Какие кафе посещает? Каких девушек предпочитает – брюнеток или блондинок? На этот последний вопрос учитель неизменно давал ответ, что предпочитает всяких, но преимущественно умных и веселых, и лучше, конечно, хорошеньких.

Короче, идиллическую картину выполнения студентом своих домашних заданий на уроках физики пришлось оставить. Впрочем, как он и обещал своим ученикам, сбоев с программным материалом раздела электричества им не допускалось.

Неясно, по какому пути пошло бы дальнейшее развитие этих уроков и школы вообще. И не превратилась ли в будущем эта школа в филиал физтеха, или в какую-нибудь другую организацию? Но к счастью через месяц вернулся из поездки мой товарищ и восстановил статус-кво системы вечернего образования.

Хочу добавить, что и сейчас я к своим студентам отношусь столь же уважительно и лекции начинаю примерно так: «Итак, Господа Студенты, начнем! Сегодня у нас тема «...». Те, кто в конце учебного года приходит на лекцию впервые, иногда падают в обморок! На этот случай предусмотрительный профессор приносит с собой на лекцию нашатырный спирт и дает его нюхнуть ослабевшим...

Последнее лето в Волынском Иерусалиме Мастер

Rubinstein – Piano Concerto No. 1 In E Minor

Жаркий летний украинский день. Солнце приближается к полдню. Я в одиночестве валяюсь на берегу небольшого водоема. Его берег порос мелкой и мягкой, наподобие ковра травой, которую неторопливо пощипывает гусиный выводок. Тишина такая, что звенит в ушах. В голубом небе небольшие красивые горки белоснежных кучевых облачков. За водоемом радует глаза поле еще молодых подсолнухов. Правее от водоема расположена аллея пирамидальных тополей, за которыми, по слухам, находится колхозный сад. Но в колхозный сад меня уже почему-то не тянет, остро чувствую, как на глазах старею.

Сегодня у меня с напарником выходной. Минул месяц, как мы вдвоем с ним бродяжничаем по центральным районам Украины, подправляя свое растаявшее к весне «состояние». Напарник накануне махнул к какой-то приглянувшейся ему сельской вдовушке, а я, пользуясь подвернувшимся случаем, направился к водоему. При минимальной возможности и наличии времени, я направляюсь к воде, которая меня притягивает магнитом, может быть потому, что и мой знак Вода. Вот в таком окружении я и лежу, вспоминая последние годы учебы, которые уже закончились, и все никак не могу прийти в себя от ощущения свободы. Укладка кирпичей в стену после шести лет постижения премудростей физических наук представляется мне просто детской забавой, хоть нам и приходится пропадать на строительных лесах часов по десять в день.

Прошел месяц с тех пор, как мы с напарником обосновались в этих краях. Неподалеку от этих мест появился на свет и я, может по этой причине все окружающее мне близко и приводит меня в хорошее расположение духа. Кажется, что этих мест я никогда не покидал вовсе. Нравятся здесь мне простой незамысловатый народ, далекий от того мира и людей, с которыми последние годы мне приходилось сталкиваться. Закончился еще один значимый эпизод моей жизни, связанный с годами учебы и выбора дальнейшего пути.

Как быстро промелькнули последние шесть лет, которые вначале казались бесконечностью! «Неужели так „незаметно“ промелькнет вся жизнь», – думаю я. До сих пор не могу прийти в себя от ощущения свободы. Такие ощущения, вероятно, сродни тем, которые испытывает приговоренный к пожизненному заключению, и который, наконец, прорыл ход за пределы тюремного забора и выскользнул на свободу.

Раньше, после каждой летней сессии, перед очередной вылазкой в неизвестные края, меня неизменно посещало волнение, как при спуске на лыжах с высокой горы или перед прыжком в неизвестность. Подобные ощущения я очень любил, и время от времени, если по какой-либо причине они задерживались с моим посещением, провоцировал сам себя, пускаясь на разные авантюры.

Валяясь на траве, я вспоминаю, размышляю и как бы пытаюсь дать оценку последним годам своей жизни. То и дело меня заносит в более удаленные времена, когда в далеком степном селении, лежа, как и сейчас, на берегу Ишима, я и представить себе не мог, что жизнь может быть столь изменчивой и выкидывать такие коленца. Тогда меня посещали, хоть уже и сформировавшиеся желания и грезы, но которые не имели никакой связи с окружающей реальностью.

– Загадочно, – думаю я, – каким образом неясные фантазии подростка могли воплотиться в реальность с такой точностью. Мне удалось получить образование, которое напрямую открывало дверь к космической тематике, а теперь еще и привело меня в такое место, где в ближай-

шие годы мне непосредственно придется столкнуться с решением проблемы подготовки первой пилотируемой экспедиции на Марс. Не в качестве пилота, конечно, а человека, который с некоторым сожалением со стороны будет наблюдать, как это будут делать другие...

А пока, дело, которым мы с напарником занимаемся в этих местах уже второе лето подряд, – мне по душе. Мы строим селянам жилища. А что может быть важнее этого? Заканчивая одну стройку, делаем перерыв. Возвращаемся на два-три дня в Волинский Иерусалим, в простонародье, называемым Бердичевом, и затем перебираемся на другую стройку, где хозяева нас ожидают с распростертыми объятиями.

Можно сказать, всему этому я обязан своей матушке, которая много потрудилась, чтобы отговорить меня от летних вылазок в дальние края, наподобие Камчатки или Чукотки. При этом она часто повторяла: «Сынок! И что тебя тянет к черту на кулички, где ничего не растет, где нет ни яблок, ни вишни, ни клубники...». За этими словами всегда присутствовал другой подтекст: «И я тебя почти не вижу совсем, разве только урывками...»

Сколько себя помню, как только в свои шестнадцать лет я отправился странствовать по миру, каждое лето, едва поспевала клубника, она слала телеграммы, а потом оставляла огромной кусок плантации с отборными ягодами, которые, так и не дождавшись блудного сына, пропадали на корню. Делала она это на тот случай, что если ее неразумное дитя вздумает неожиданно нагрянуть в гости, – и чтобы у нее было всегда что-нибудь под рукой, чем можно его побаловать. Позднее, в годы студенчества, когда выкроив неделю, другую, после вылазок в дальние края, я добирался домой, мама до конца августа держала наготове зрелую и перезрелую сортовую вишню под названием «чернокорка» с черными, но необычайно крупными и вкусными плодами.

Сколько себя помню, она, всегда используя свои маленькие хитрости, пыталась заманить меня домой. Так было и в раннем детстве, когда она отлавливала меня, чтобы постричь и отмыть от уличной грязи. Как ни хороша была ароматная клубника и вишни, наибольшую радость мне, да и ей тоже, доставляли часы, когда я находился с ней поблизости. Потратив изрядно своих усилий, однажды она свела меня, как бы между прочим, со своим хорошим знакомым, пригласив его к нам «случайно» на обед.

Ее знакомый пришелся мне по вкусу сразу, хотя и был лет на пятнадцать меня старше. Вероятно, чтобы не сильно бросалось в глаза, мама предварительно хорошо поработала над своим знакомым. При встрече, после того как мы слегка выпили за знакомство, он плавно начал интересоваться, чем это я занимался в свободное от учебы время раньше и чем занимаюсь сейчас? Так, в процессе беседы, получив мои разъяснения, он без лишних слов предложил на время каникул присоединиться к нему, образовав, таким образом, некую бригаду странствующих строителей.

При этом, по его мнению, я вроде как ничего и не теряю, так как сохраняю свои обычные увлечения. Мне не придется расставаться со своими бродяжническими наклонностями – я выиграю в заработке и, в конце концов, несколько сменив географию путешествий, смогу чаще навещать свою матушку. Матушка приложила немалые дипломатические усилия, чтобы убедить свое непослушное дитя в том, чего ей больше всего хотелось. А хотелось ей более всего осуществить свои, самые что ни есть простые желания, – чаще видиться со своим чадом, беседовать с ним часами и петь красивые народные песни по вечерам. При этом ненавязчиво использовала авторитет и мнение, на первый взгляд, постороннего лица. Она явно владела врожденным дипломатическим даром.

Мой напарник завоевал мою симпатию сразу. Во-первых, из-за умения делать все, за что бы он ни брался; во-вторых, из-за своего жизнерадостного и неунывающего характера, повышенного интереса к вдовушкам и, наконец, исключительной порядочности. Сразу же, не вдаваясь в мои профессиональные навыки что-либо делать руками, он предложил будущую выручку делить пополам. Даже предположение о таких возможностях вызвало у меня повы-

шенную симпатию к этому незнакомому человеку сразу. Впоследствии все мои первые впечатления об этом обычном и необычном человеке полностью подтвердились, и я оценил проницательность своей матушки, которая для меня остановила на нем свой выбор.

Те, кто знаком с тем, что представляла собой Украина и жизнь в ней времен застойного периода, меня поймут без излишних слов. Народ уже оклемался от войны, голода и полной нищеты, поэтому, кто как мог, начал приводить в соответствие с требованиями времени свои жилища. Глиняные мазанки обкладывали кирпичом, меняли соломенные крыши на жестяные или шиферные; ставили заборы, заменяя вишневые заросли вокруг своих домов, которые исправно выполняли свою основную функцию естественных заборов, что, кстати, меня сильно расстраивало. Что может быть лучше естественного вишневого забора, в котором обычно устанавливалась простая деревянная скамейка. Так что работы у нас было навалом. И за нее нам хорошо платили, при этом, у нас не было никаких хлопот с жильем, едой и питьем, в самом широком смысле этого слова.

Я, конечно, сопротивлялся такому неравному равенству, утверждая, что бегать, прыгать и даже решать дифференциальные и интегральные уравнения уже умею. Умею я делать еще сотни никому не нужных других дел, но это вряд ли нам пригодится в том, чем мы собираемся заниматься. Но мой напарник был неумолим, как скала. И произнес в конце дискуссии: «Заработок пополам, и точка!»

В этой паре, один из которых, представлял собой бледного и замученного студента, с порочными наклонностями интеллигента, который, правда, когда заставляла нужда, мог без тени смущения рыть могилы, зарывать усопших или заниматься другими схожими делами. Ко всем своим скрытым недостаткам студент к тому же изъяснялся на чистом диалекте столичного жителя, в котором не прослушивалось характерного звучания буквы «г», поэтому местные жители принимали его за иностранца.

«Иностранец», между тем, свободно владел языком аборигенов, но из-за некоторой застенчивости, а также, чтобы чего не подумали, не стал сливаться с толпой и переходить на местный диалект. В набедренной повязке, в виде плавок с нацепленными на нос очками, он с восхода и до захода солнца находился на строительных лесах и привлекал своим видом внимание местных жителей. Он был видим и открыт со всех сторон: лучам солнца, ветрам и взглядам, проходящих по деревенской дороге местных жителей, которые в жаркий летний день натягивали на себя, кроме штанов, еще и рубашку с длинными рукавами и неодобрительно поглядывали в его сторону.

Своим внешним видом и поведением для местных жителей, он сильно походил на цивилизованного дикаря, забравшегося на подмости, которого выставили на всеобщее обозрение. Может быть, поэтому молоденькие жительницы, проходя мимо, чтобы не видеть этого «непотребства» отворачивались. Другие, бойкие на язык, не упускали возможности «запустить камень» в его сторону и стрелнуть в студента шуткой. Студент, как и следует неразумному «иностранцу», чаще всего пропускал их шутки мимо своих ушей. Но его напарнику только этого было и нужно. Он охотно вступал в беседу с незнакомыми людьми, будь тот стар или млад, мужчина или женщина, пускал в ход шутки, анекдоты. Он мог спеть какой-нибудь двусмысленный куплет, а то и, не слезая с подмостков строительных лесов, отбить чечетку. Так, что слава о двух странных строителях распространялась по окружающим селениям со скоростью эпидемии, создавала нам неплохую рекламу, и мы были нарасхват местными жителями.

Напарник студента был невысокого роста, крепыш с закопченным и задубленным от непрерывного пребывания на солнце лицом, и до пояса оголенным торсом. Из-за этих качеств и внешнего вида, он чем-то напоминал студенту пирата Бена Ганна, списанного с борта шхуны на берег необитаемого острова за какие-то провинности, скорее всего за доброту, самым капитаном Флинтом. Это сходство усиливалось, когда он обматывал свою курчавую голову цветным платком, чтобы защититься от лучей немилосердного полуденного солнца и взби-

рался на строительные леса, как на мачту «Эспаньолы». Так или иначе, но имя, которое приклеил к нему студент, подходило мастеру значительно лучше его собственного. Пират-мастер вначале сопротивлялся такому переименованию, а после того, как студент доходчиво объяснил связь нового имени с главными чертами его характера, смирился и даже, кажется, одобрил его.

За двухлетний период тесного знакомства с этим человеком, студенту так и не удалось выведать, какие тайны в житейских делах и сложности могли бы привести его в затруднительное состояние или вывести из душевного равновесия. В начале сезона, когда студент еще сохранял все атрибуты, приписываемые студенчеству, с проступающими на его теле ребрами и отрицательной кривизной осанки из-за вынужденных строгих диет, он служил для Мастера-пирата своеобразным наглядным пособием.

На этом пособии Мастер частенько демонстрировал темным крестьянским массам недостатки современной системы образования молодежи. Прибыв на объект, он сразу же объявлял новому хозяину о необходимости самым внимательным образом следить за здоровьем и питанием студента, и даже прописывал ему специальную усиленную «диету», с перечислением, на его взгляд, главных продуктов питания, без которых не мог впредь обходиться организм его юного напарника.

В этой связи, и по случаю строительства, хозяева заблаговременно, выгнав несколько ведер самогона, закалывали еще и кабана, а для разнообразия рациона студента на столе неизменно должны были находиться полные тарелки со свежими и вареными яйцами.

Для закалывания кабана часто привлекали Мастера. Как оказалось, и в этом деле пират тоже был незаменимым для всех человеком. На этом мне хочется остановиться поподробнее и рассказать читателю все по порядку, не отклоняясь от истины и не упуская ни одной значимой детали.

Обычно, эти полезные животные задолго чувствуют скорый конец и начинают свой визг заранее – с самого утра, а то и с вечера. Мой мастер в день «жертвоприношения» советовал хозяину выпустить приговоренного кабана в сад, позволить ему последние часы провести на воле, чтобы напоследок ему вдоволь надышаться райским воздухом свободы. В первое наше прибытие, не знаю, с какой целью, он решил пригласить на убийство невинного кабана и меня. Думаю, что в образовательных целях. А вдруг пригодится! Он был убежден, что в жизни человеку нужно уметь делать все. Конечно, за свою деревенскую жизнь с подобной процедурой негуманного обращения с животными не раз приходилось сталкиваться и мне, но на удалении. Лично сам в этом деле я не участвовал никогда.

Понятное дело, представляя себе визжащего приговоренного в последние минуты его жизни, от зрелища я отказался, не находя для себя ничего в этом занимательного. Но то, что мне пришлось увидеть в тот раз, подняло строительных дел мастера, в моих глазах, на недосягаемую высоту. На мой отказ принять пассивное участие в этом деле, пират-мастер заявил мне, что ничего напоминающего обычное убийство приговоренного, которое сопровождается сильным сопротивлением и визгом, с его стороны не будет. Все будет тихо, мирно и с огромным удовольствием для жертвы. В этой процедуре жертва будет издавать довольное хрюканье и даже не заметит, когда ее душа окажется на небесах, а все остальное у нас на обеденном столе. Поскольку, подобного представления мне, как и многим другим, видеть не приходилось, опишу его подробнее.

После того, как кабана «условно» выпустили на свободу, он первоначально по диагонали несколько раз на полном скаку пересек сад от изгороди до изгороди, ловко маневрируя между яблонями, потом успокоился и, недоверчиво поглядывая на любопытных зрителей, сгрудившихся возле дома, принялся пощипывать зеленую травку. Через некоторое время хряк и вовсе забыл о нашем существовании. Тогда Мастер, припрятав под полую куртки узкий длинный ножик, велел мне, до поры до времени, оставаться на своем месте.

Он спокойно направился в сторону кабана, что-то ласково бормоча себе под нос. Кaban развернул рыло в его сторону, но с места не сдвинулся и продолжал мирно щипать травку. Мастер приблизился к нему вплотную и пощекотал за ушком. От удовольствия кабан даже хрюкнул. Так продолжалось еще некоторое время, пока кабан не впал в кому. Мастер помахал рукой, приглашая меня подойти и понаблюдать за происходящим вблизи. Я подошел поближе, кабан, погруженный в любовную истому, даже не удостоил меня своим вниманием, а лишь изредка пощипывал зеленую травку.

Мастер плавно переместил свою ладошку к брюшку кабана и продолжал ласково почесывать его животик. Было видно, что борову стало настолько хорошо, что он собирается прилечь. Замечу, кстати, что так себя часто ведут и люди. На этой стадии операции мастер достал ножик, поставил его ручкой на землю между передних ножек кабана и почесал под брюшком в последний раз. Кaban вздохнул, подогнул передние ноги и опустился на вертикально поставленный нож, при этом даже не пикнув. Ножик уже давно находился в сердце кабана, а хряк с довольным видом, лежа, пытался пощипывать травку, так и не сообразил, что с ним произошло.

«Рома, а тебе не жаль беднягу?» – спросил я мастера. Но тот пожал плечами и сказал: «У каждого своя судьба, а его судьбе можно только позавидовать. Умер счастливым. А что было бы лучше, если бы куча жлобов гонялась за ним по саду, пытаясь связать, а он от страха готов был забраться на дерево? А потом, связав его по „рукам“ и ногам, неумело тыкали в него ножичком, да при этом еще и мимо. Шум при этом стоит такой, что хоть святых выноси». Таким был мой мастер на все руки! Да продлит Создатель дни его жизни!

Однако подобные эпизоды из наших будней происходили не часто. Больше всего мне нравились вечерние часы, когда мы, завершив дневные труды, после захода солнца присаживались «вечерять». Вечеря обычно продолжалась за полночь и сопровождалась обильными возлияниями веселящего напитка и потреблением закуски, мастерски приготовленной из того же самого кабана.

Через некоторое время любители застольного пения затягивали какую-нибудь народную песню, а после одной, другой чарки к ним присоединялись даже самые ленивые певцы. Что касается меня, то с фольклором я был знаком не понаслышке, и до сих пор не знаю ничего более душевного и мелодичного, чем старинные украинские народные песни. Видно матушка, сама того не подозревая, на генетическом уровне передала своему неугомонному чаду любовь к народной песне.

До поры до времени, студент молча слушал песни, не подавая никакого вида о том, что он легко может и объясняться на «их» языке и тем более прекрасно знаком со всем популярным застольным репертуаром. Все шло хорошо до тех пор, пока он одним махом не провалил свою многодневную конспиративную возню, поддерживая у окружающих свой образ таинственного «иностранца». Провал произошел дня через два, после того как мы перебрались к новым хозяевам, а вечером, следуя лучшим традициям в конце рабочего дня и в процессе ужина, собрались попеть песни.

Случилось, на взгляд студента – небывалое! Собравшийся на ужин народ спел несколько песен, но в дальнейшем вышла заминка, поскольку полностью был исчерпан весь имеющийся в их памяти репертуар. И тут студент, неожиданно для него самого, провалился, он предложил спеть одну старинную песню, которую очень любила его матушка и, не дожидаясь согласия остальных, запел сам. Чего-чего, а никто из присутствующих от «иностранца» подобной выходки не ожидал. После этого, если случалась заминка с песнями, мастер, хитро подмигнув «студенту», просил его освежить своим землякам память.

В поисках рая

Anton Rubinstein – Piano Concerto No. 3

Помучившись так дня три на общем пляже, мы решили отправиться вдоль побережья пешком, куда глаза глядят, и оказались правы. В первый день мы отодвинулись от общего пляжа метров на триста, потом метров на пятьсот, а еще через день удалились более чем на километр. Численность отдыхающих при наших береговых маневрах резко снижалась с расстоянием от эпицентра пляжа. И только тогда, когда нам изредка стали попадаться такие же двуногие существа, как мы, – сделали привал.

Наконец мы попали в другой мир, с чистой и прозрачной водой, крупным песком на берегу и без непроходимых яйцевидных камней в море. Так, в который раз, нами была доказана аксиома, что чем дальше от подобных себе, тем лучше. Мне кажется, что и рай ныне перенаселен до предела и напоминает места современного отдыха. Мой кумир Хайям считал напротив, что если всех пьяниц и гуляк отправлять в другое место, то рай непременно должен опустеть. Поскольку ни с одного, ни с другого места еще никто не возвращался то это вопрос спорный, и каждый из нас может придерживаться своего мнения. Мне даже кажется, что если эта развеселая публика собралась в аду, то на нем уже давно сменили вывеску.

Закат

Я валюсь на песок поближе к воде. Шурша мелкой галькой возле моих ног, замирают волны, какое то время мне ни о чем не думается, и я начинаю дремать. Не знаю ничего лучше звучания морского прибоя, ну разве еще шума дождя по металлической крыше, когда обитаешь на чердаке.

Правда и в обитании на чердаках, тоже есть свои особенности. Мне как-то целое лето пришлось обитать на чердаке. Да, когда идет дождь – это всегда здорово! Но один раз ко мне на чердак пожаловал огромный кот, и ему там так понравилось, что он повадился приходить ко мне на чердак каждую ночь. Вначале он располагался поблизости и мурлыкал, и не могу сказать, чтобы это мне не нравилось. Но потом сменил привычку, и начал укладываться на мои ноги, но это были еще цветочки.

Через некоторое время кот посчитал, что лежать на груди как-то удобнее— никто не пихается ногами, решил сменить законное место на новое. После полуночи он перебирался ко мне на грудь, поближе к шее, и укладывался клубочком там. В это время у меня начинался час кошмаров. Как это и случается в кошмарах, меня каждую ночь приходили душить темные силы. И вот когда терпение мое лопнуло, я решил проучить этого негодяя на всю его оставшуюся жизнь.

На чердаке были свалены старые книги, среди которых мне удалось подыскать огромный по размерам и весу словарь немецкого языка. Готовился я к операции с котом, мурлыкал себе под нос слова из немецкого словаря: «Schwein, Hände hoch, aufgeben, Sie Ende, Kaput», перевод которых знают все, даже те, которые его не учат: свинья, руки вверх, сдавайся, тебе конец.

Вооружившись этим словарем, я заблаговременно положил его рядом с собой в пределах досягаемости рук. Подготовившись к встрече с котом, по всем правилам военного искусства, я завалился на постель.

Поле захода солнца на чердак, как всегда, пожаловал кот-сожитель и разлегся на моих ногах, а через некоторое время до моего слуха дошло его довольное мурлыканье, и операция под кодовым названием «Ликвидация главаря банды «Черный кот» вступила в свою финальную стадию.

Я приподнялся с постели, пытаюсь не потревожить кота, достал немецкий словарь, приподнял его двумя руками над собой и со всей мочи опустил его ему на голову. Что тут началось у нас в обители! Объяснить словами сложно. Кот в ту же секунду взмыл вверх, как истребитель вертикального взлета, а когда опустился вниз, кинулся в сторону, ударился головой изнутри о скат металлической крыши, а после этого заметался по всему чердаку, ударяясь во все, что встречалось ему на пути. Я упал ниц лицом в подушку и не поднимал головы до тех пор, пока не стихнет поднятая котом буря. Метание кота по чердаку продолжалась до того, пока он, случайно, не нащупал небольшую открытую дверь, ведущую наружу. С тех пор кот на чердаке не объявлялся. Поэтому я и говорю, что в обитании на чердаках есть свои особенности.

Дикий берег

Beethoven Piano Concerto No.5

Неподалеку от нас расположилось еще двое отдыхающих – молодая мама и, вызывающая у меня симпатию, маленькая девочка с косичками. Сколько себя помню, маленькие детишки, в любом количестве, мне никогда не мешают, особенно, если они девочки, да еще с косичками. Не знаю почему, но девочки с косичками и особенно вплетенными в них бантиками, мне всегда кажутся симпатичнее тех, у кого бантиков нет.

Сквозь дрему слышу, как наша соседка, довела до сведения моей спутницы, что в этом месте утром и вечером, как по расписанию, недалеко от берега ежедневно проплывает стая дельфинов. Ближе волнорезов они не подплывают, может потому, что там изредка появляются люди. Вот и они с дочкой сегодня будут дожидаться возвращения дельфинов обратно, так как девочке с косичками страсть как хочется на них посмотреть. Мне тоже хочется взглянуть на дельфинов, но я молчу.

Если бы меня спросили, на какую литературную героиню она более всего похожа, я, пожалуй, не задумываясь, ответил, что на Татьяну из «Евгения Онегина». Может потому, что в детстве от нечего делать, или по глупости, я выучил этот роман почти наизусть, конечно же, не тогда, когда его проходили в школе. Может быть, с тех пор я не равнодушен, как к этому женскому образу, так и создавшему ее образ поэту. Она высокая, стройная, русоволосая, с сероголубыми глазами, фигуркой, которая мне нравится с тех пор, как я ее увидел более тридцати лет назад. Описывать ее фигурку не возьмусь, читатель мне поверит на слово, что фигурка у нее хорошая, даже сейчас, после того, как она подарила мне троих малышей.

Раньше, она носила прическу в виде конского хвоста, которая мне нравилась тоже. Может быть, у нее и были какие недостатки, но я раньше их не замечал, а может быть, они мне нравились тоже. Помнится, еще тогда я ей говорил, что если человек нравится, то нравятся даже его недостатки, а если не нравится, то вызывают раздражение даже его достоинства. Я думаю, что с этим постулатом согласятся многие, во всяком случае, те, кто знает, что такое жизнь.

У нее темные брови, и когда на меня насупливается, она мне чем-то напоминает испанок с южной провинции Андалусии или темнобровых марсианок, хоть в тех местах мне бывать не приходилось, но почему-то хотелось всегда. Это состояние у нее длится недолго, чем она мне и нравится, а еще она мне нравится тем, что до сих пор не пытается себя приукрашивать и совершенно не пользуется косметикой. Этим я хочу сказать, что она настоящая, в полном смысле этого слова. Может быть, кому и не нравятся настоящие, но только не мне. Это повелось давно, еще почти с детства, а особенно с тех времен, как мне посчастливилось пожить некоторое время в степи, сопках и на реке Ишим, где, как мне казалось, все и было настоящим.

Вообще-то человек она очень хороший, с веселым нравом, добротой и повышенным чувством справедливости. Кое-кто из ее окружения приписывает ей черты героинь, наделенных нравственной силой, экспрессивностью, решительностью, жертвенностью. И эти качества соединены с мечтательностью и рассудочностью, кроме того, все это в ней сочетается с порывами беспримерного упрямства. Если она любит, то будьте уверены, любит упорно и неотступно, примерно, так как хорошая армия воюет или штурмует крепости. Но мы еще вернемся к ней в свое время, а сейчас я задумываюсь о дельфинах.

Дельфины

Тема добродушных обитателей моря – дельфинов – меня занимает давно. Я перемещаюсь во времени и в пространстве в свое детство и попадаю на просмотр кадров из фильма «Человек амфибия», где главный герой мог при необходимости позвать своего дельфина, если он ему был необходим.

Я размышляю... «Интересно, каким образом он подавал ему условные сигналы? Может, хлопал по воде ладошками? Или пускал пузыри? Ведь кричать в атмосфере все равно бесполезно, водная поверхность отражает звуки, распространяющиеся в воздухе. Нужно что-нибудь придумать, когда дельфины будут возвращаться и проплывать за волнорезом», – думаю я про себя. – Они смысленные, может, догадаться, что я хочу с ними завести знакомство или подружиться. Вот здорово было бы, чтобы так незатейливо сбылись детские грезы...» С такими мыслями я засыпаю...

Появилась она в то время, когда я уже не ждал в своей жизни таинственных незнакомок, тем более в образе пушкинских или тургеневских девушек, поскольку понимал – их время, как и время динозавров безвозвратно ушло. Во-вторых, я сам уже находился в таком возрасте и считал, что узы Гименея, или как их там еще называют, созданы не для меня. В этом меня тоже раньше, еще до ее появления, убедили разные тургеневские и не тургеневские девушки...

К временам «марсианского» периода моей жизни я уже намеревался вернуться давно, этот период вызывает у меня повышенный интерес в связи с некоторыми загадочными обстоятельствами своей жизни и тех, кто с ним связан. Появление «марсианки» на моем пути тоже вызывает у меня интерес и желание докопаться до истинных причин ее появления, и не только до этого...

Вспоминаю о дельфинах и интересуюсь у «Закрывающей собой солнце», не проспал ли я появления этих удивительных «человеко-рыб?»

– Нет еще, – отвечает она, – ты и спал то не больше часа, а сейчас полдень. До вечера далеко, можешь дремать дальше.

Но я поднимаюсь и говорю ей:

– До вечера далеко, поэтому вот сейчас сплываю подальше к концу волнорезов, позову их, и мы встретимся, как говорится, – здесь и сейчас!

Читаю на ее лице недоверие к моим словам. Потом продолжаю:

– Что-то долго ждать до вечера, дельфины это же не поезда, которые двигаются по расписанию. Могут прибыть и пораньше, вон, сколько мне пришлось их ждать...

Я не уточняю, с какого времени их поджидаю, но по тону она понимает, что давно... Я обвязываю голову, на всякий случай, красным платком, чтобы я был замечен издали для спасателей, направляюсь к воде и ныряю. Выныриваю я далеко, моя подруга беспокойства по этому поводу не выказывает, она знает, что-что, а ныряю я хорошо. Я выныриваю, поворачиваюсь лицом к берегу, машу рукой, оставшимся на берегу, а затем ложусь курсом бейдевинд в сторону моря.

Добравшись за волнорезы, я делаю хороший вдох и ныряю опять, чтобы выяснить какая в этом месте глубина. Погружаюсь медленно и долго, до дна так и не дохожу, возвращаюсь наверх. «Мало ли» – думаю я, – «при возвращении с глубины могут возникнуть проблемы с кислородом». Пытаюсь отдышаться. Потом набираю полные легкие, погружаюсь с головой под воду и произношу несколько раз под водой, как и на воздухе:

– Дельфинчики, ко мне! На помощь!

И опять появляюсь над поверхностью воды. Потом без опаски ныряю еще несколько раз, выныриваю, смотрю в сторону моря, где ничего интересного не происходит, и поворачиваю к берегу.

Примерно на полпути вижу, как с берега моя подруга машет руками, как будто что-то собирается сказать или предупредить. На всякий случай оборачиваюсь назад и вижу, как три дельфина, периодически ныряя и поблескивая своими спинами, свернули со своего традиционного маршрута мимо волнорезов и направляются в мою сторону, а один из них уже находится от меня на расстоянии метров двадцати. В этот момент до меня начинает доходить, что вблизи они выглядят несколько иначе, чем в телевизоре или в описаниях мореплавателей.

Ходили слухи, которые утверждали, что будто эти славные «пескари» размером в обхват, спасают утопающих или играют с ними.

– Однако кто их знает, что у них на уме? – думаю я про себя, и при этом с все большим энтузиазмом, размахивая руками, направляюсь к берегу.

– Быть может, эти дикие пловцы еще не побывали в руках дрессировщиков и не окончили школу спасателей? Может быть, они ничего плохого против меня и не замышляют, может у них на уме желание поиграть со мной в какие-нибудь «нырялки».

Наверное, читатель помнит старинную игру малышни, когда в воде собиралось больше двух человек. Называлась игра «Баба сеяла горох и сказала, – Ох!». При этом все участники игры должны были одновременно погрузиться в воду. Выигрывал тот, кто последним выныривал из-за недостатка воздуха.

Слышал я, что дельфины, забавы ради, могут ухватить пловца за трусы и, играя с ним, нырнуть на глубину. Вот тут-то с ныряльщиком и может приключиться «горох». Сразу и выявится слабость в подготовке ныряльщика на задержку дыхания, поскольку эти тренировки наш «мореплаватель» оставил давно, начал курить, пить ром и всякие другие вкусные напитки, кроме полезного кефира. Кроме того, бесчинствовал без меры, а это все ослабляет здоровье, что может прийти не по вкусу морским обитателям. Впрочем, «мореплаватель» в своей жизни уже встречался с сухопутным видом разумных и трудолюбивых существ таких, как и пчелы. Не дай бог, пчелы учуют посторонний запах полезных напитков или там какого-нибудь одеколona, пиши – пропало, они наваливаются всей гурьбой, и тут уже не спасают даже защитные средства, с этим автору пришлось познакомиться не понаслышке.

А что же дельфины? Отплыв на повышенной скорости от места, когда береговыми наблюдателями было обнаружено их появление, догадываюсь оглянуться. Вижу, что погони за мной нет, иначе бы они уже давно догнали. Немного успокаиваюсь, а дельфины все еще продолжают крутиться на том месте, где «утопающий» подал им крик о помощи. Потом видно поняли, что к чему, – повернули в открытое море и скрылись из вида.

«Утопающий» довольно резво выбрался на берег и любопытствовал у зрителей, как бы между прочим, вызвало ли импровизированное представление с дельфинами у них хоть какой-нибудь интерес? Маленькая девочка захлопала в ладоши, а потом спрашивает:

– Дядя, а почему ты на них не покатался верхом?

– Видишь ли, детка, – говорю я ей, – сегодня дельфины утомились. У них был трудный день. С самого утра охотились на мелкую рыбешку. Это же сколько нужно поплавать, пока наловишь себе этой мелюзги на завтрак. Поэтому договорился с ними о прогулке верхом в другой раз, может на завтра ближе к вечеру.

А своей спутнице поклялся, что впредь звать на помощь дельфинов буду только в том случае, если действительно буду тонуть и когда предварительно запасусь достаточным количеством вспомогательных средств или памперсов.

– Наталь, а ты не догадалась снять эти исторические кадры моей встречи с дельфинами? – спрашиваю я ее.

– Вик, – говорит она мне, – все было так неожиданно, что пока я спохватилась, они уже скрылись за волнорез. Сделала несколько кадров. Только успела снять одного, как он улепетывал в море и запечатлеть твой выход на берег из моря после встречи с ними. Ты там получился как Нептун, но без трезубца.

– Ладно, – говорю я ей, – и так для памяти сойдет. Хорошо, что трезубец потерял, а не что-то другое.

Она так и не поверила, что дельфины поспешили ко мне на помощь по моей же просьбе. Посчитала, что я ее разыграл. Иногда с ней я и это люблю делать. Она доверчива, как дитя.

– Ну и как же ты их звал? – спрашивает она меня.

– Да очень просто, – отвечаю я, – нырнул на глубину, и прокричал: – Дельфины! Ко мне на помощь! И все! Ты, кстати заметила, сегодня они прибыли не по расписанию, – говорю я ей.

– А когда под водой кричал – вода в рот не попадала? – удивляется она.

Ну, какой простодушный ребенок эта Наталья, прямо, как маленькая девочка с косичками и бантом!

– Вода не только в рот не попадает, когда беседуешь под водой, – говорю я ей, – но и в глаза, когда открываешь их под водой. Попробуй, в следующий раз сама, – говорю я ей, – только на мелководье, для тренировки.

К несчастью, ночью небо затянуло плотными тучами, и пошел дождь, который не прерывался несколько суток. Поэтому запланированной на завтра встречи с дельфинами не получилось. Делать было абсолютно нечего, и мы в номере находились почти как в тюрьме. Наталья вязала. Она всегда что-то вяжет, где-бы ни оказалась.

Ходят слухи, что уже видели вяжущих женщин за рулем автомобиля на ходу и, глядя со стороны на свою подругу, я им охотно верю. Что касается меня, то у меня свои предпочтения – я натягиваю на голову наушники, включаю музыку, и тут уже ни какой дождь и даже тюрьма мне не страшна.

Таким простым образом с наушниками на голове, я погружаюсь на дно Океана и оказываюсь в затонувшей неизвестно где и сколько лет назад Атлантиде.

Атлантида

Атлантида Ливень (день первый)

Joachim Raff – Symphony No. 5 Lenora

Последние годы я замечаю, что возвращаясь в прошлое, я как-бы погружаюсь в глубины океана, мысленно смываю не нужных мне людей, которые встречались мне на дорогах жизни. Стираю все то, о чем бы мне ни хотелось вспоминать, и меня не покидает ощущение, что я вроде как обновляюсь или возрождаюсь заново. Способность удалять грязь, накопившуюся на душе или отбрасывать негативное, что происходило, считаю наилучшим свойством своей памяти и характера. Так я почти не вспоминаю годы, проведенные мной в зоне Чернобыля, результатом чего впоследствии, из моей жизни были вычеркнуты семь лет еще неплохих для жизни лет, которые я провел в клиниках и больницах.

Я погружаюсь в прошлое, как в глубину океана, где царит вечное спокойствие, напоминающее мне панораму затонувшей Атлантиды. А наверху, на поверхности океана, в это же самое время, может бушевать штормовой ветер и неумолимо нести утлое суденышко моей жизни на рифы или скалы.

Когда я думаю о тайниках памяти океана или космоса, что в сущности одно и то же, в этот самый момент я люблю слушать музыку. Вообще-то не совсем точно выразился – ее я слушаю всегда. И когда пишу скучные научные трактаты, сухие отчеты и статьи, а также, когда что-нибудь строю или ломаю. Заметил давно, что с хорошей музыкой строится, ломается и пишется как-то легче и веселее. С музыкой я не утомляюсь от любой работы и ее продолжительности, мне кажется, в это самое время я как-бы раздваиваюсь и присутствую одновременно в двух разных мирах. Музыка пробуждает воспоминания и порождает живые образы и атмосферу, царящую в уже почти забытом прошлом.

Хорошей музыки в мире море. Я пытаюсь в его глубинах отыскать несправедливо забытых или полузабытых мастеров прошлого.

Ощущение бесконечного Океана у меня возникло с детства, хоть в тех местах, где мне пришлось жить, его не было и в помине. Там был безмерный Океан миров, простирающийся по ночам над моей головой. При любой минимальной возможности я убегал в сопки ночью, находил для себя уютное местечко и вглядывался оттуда в эту звездную бездну. А когда увидел настоящий Тихий океан, он очаровал меня тоже. Он оказался столь же разнообразным, как и «Океан» Антона Рубинштейна, 3-й В-мольный концерт Гуммеля или пятая симфония Иохима Раффа с поэтическим названием «Леонора». Те, кто никогда не слышал этих произведений, связанных с морской тематикой, потерял многое. Перечисленные произведения от аналогичных, других, отличает то, что в них человек как бы стоит перед чем-то бесконечным и непостижимым и в силах лишь ощутить его величие. Я рекомендую слушать эту музыку всем. Так «Леонора» Раффа необыкновенно хороша по красоте звучания, а если из нее местами убрать некоторые бравурные фрагменты и уменьшить громкость литавр и барабанов, ей нет цены.

Эту ремарку можно отнести и к «Океану» Рубинштейна. Лишь Гуммелю, ученику великого Моцарта с его неподражаемым чутьем и тонкостью своего учителя, удалось передать величие, таинственность и красоту океана, не впадая в крайности. Он хорош и тем, что в нем практически отсутствуют мрачноватые сцены встречи человека с грозными обитателями моря или драматичные сцены крушений кораблей.

Но перейдем ближе к делу. А существо дела связано с «марсианским» периодом жизни автора тем, как он до него дожил, прожил, и что осталось от всего этого в остатке. И дело здесь

совсем не в том, что автор желает сообщить миру нечто такое, что ему неизвестно. Скорее всего, ему самому захотелось припомнить, что же все-таки происходило с ним самим в прошлом, вспомнить людей, которые находились поблизости и оставили в душе автора нестираемый след. Постараться ответить себе на вопрос – является человек сам творцом своей судьбы или, все-таки, наша судьба преимущественно зависит от воли случая, или навязана нам сторонними силами, или судьбой. Ведь рано или поздно, каждый приходит к этому вопросу, и автор не является здесь исключением.

Пишет автор и еще это для того, что если кому случайно попадут в руки эти записки, чтобы они старались читать их под музыку, тогда и у них может появиться доверие к автору, и им будет легче поверить в те небылицы, которые он плетет ниже.

Гуру

Three Piano Concertos after J.C. Bach, K. 107

Я вообще считаю, чтобы человек не делал, важно, чтобы делал он это с увлечением и, чтобы по мере приближения к завершению всех своих главных дел, у него еще не пропало желание желать. Конечно, было бы лучше всего, каждый день этого оставшегося времени встречать так, как если бы он являлся первым в твоей жизни, а жизнь представлялась бесконечной. Хорошо было-бы, как и вначале пути, продолжать строить воздушные замки и планы на завтра и верить в то, что это завтра наступит, а не думать, что рано или поздно прозвучит финальный свисток. Хотя мы все понимаем, что финальный свисток может прозвучать в любое время.

Мне посчастливилось знать таких людей, которые жили по этому принципу, чем они мне и нравились. И не просто нравились, я бы сказал, что в них души не чаял. Не так давно я простился с одним из них, навестив его в одной из клиник в последние часы его жизни. На столе в больничной палате лежал лист бумаги, на котором была изображена некая схема генератора для возбуждения электрических разрядов. Причем схема была набросана часа за два до начала у него сложной операции, которую он так и не пережил. Ни я, ни те, кто с ним были знакомы, точно не знал, сколько ему было лет, какая у него была настоящая фамилия, которую ему по роду своих занятий пришлось сменить давно. На этот счет он не особенно любил распространяться, а мне это было не особенно важно. Было важно, что он был!

Для меня он был и остался в памяти человеком без возраста, со свежим юношеским и даже детским восприятием мира. За несколько часов до своей операции он внимательно пролистал довольно объемный талмуд моей диссертации, сделал несколько замечаний, и в заключение произнес, что это – действительно диссертация, а не увесистый пакет макулатуры. И сразу принялся строчить мне телефоны потенциальных оппонентов из своих многочисленных знакомых и друзей.

До последнего часа этот человек жил в тесной связи с окружающими его людьми и миром. Сколько помню, он создавал вокруг себя некое поле, которое притягивало окружающих, да так, что каждому втянутому в это поле он был просто незаменим. Всем, кто его окружал, он оказывал любую возможную, а иногда и невозможную помощь. Я долго размышлял над этим феноменом – зачем человеку в возрасте и целым букетом болезней такое беспокойство. Пока сам себе не ответил на эту загадку. Все было предельно просто. Этот человек формировал связи с живыми, а они своими невидимыми нитями, насколько это было возможно, питали и удерживали его в мире живых. Подобный характер носили и мои с ним взаимоотношения.

С самого начала он с повышенным интересом расспрашивал меня о профессиональных пристрастиях, и чем я занимался раньше. Собственно, только профессору с фамилией Ляпин (ласковый позывной Ляпушка), я обязан возвращению самого к себе. Он довольно быстро почувствовал, что у меня от прошлого остался некий болезненный синдром незавершенности своих дел. Разобравшись, он взял с меня слово, что эти дела я завершу как можно скорее, ненавязчиво принялся курировать ход моих действий, и в результате легко вернул мне самого себя. Через год я принес ему черновик восстановленной работы, которую он размалевал от начала до конца.

Он совершенно не был специалистом в той области, которой я занимался и не понимал в ней почти ничего. «Малевал» он все, что приходило ему в голову, делал заметки на полях, зачеркивал и делал вставки, как ему казалось по делу. Но он понимал главное, что мне придется переделывать не только то, что написал я сам, но и его фантазии, а от этого все будет выглядеть только лучше, поскольку каждую заметку я буду вынужден многократно обдумывать со всех сторон. И вот когда, наконец, я все переkreпил и перелопатил по новому, и работа была

уже практически завершена, он угодил в больницу. Несмотря на это, он потребовал принести последний вариант рукописи к нему в больницу накануне своей операции.

– Андрей Григорьевич, – говорю я ему, – может не стоит тратить Вам на нее свое время и здоровье, которого и так недостает? Я ведь ее воссоздал из пепла только ради уважения к Вам, поскольку в этом мире все это, уже вряд ли кому понадобится.

– Витенька, – говорит мне мой Гуру. – Она нужна, прежде всего, для тебя! После того, как ты довел дело до конца, теперь душа твоя свободна. А ты, не оглядываясь в прошлое, можешь приступить к новым планам и их осуществлению. У тебя впереди еще много времени...

Я часто вспоминаю его последние слова, и только со временем до меня дошел их глубинный смысл, и насколько он был прав. В сущности, нам нет никакого дела до окружающего мира, как миру нет дела до нас. Хорошо еще, если в нем встречается кто-либо, который проявляет к нам интерес. Но это большая редкость и счастье. Все мы бредем по жизни, как по пустыне, и окружают нас в этом странствии немилосердное солнце, раскаленный песок барханов, миражи днем, купол с мерцающими звездами ночью и полное одиночество. И как же здорово, если на этой дороге нам встречаются попутчики, которые смотрят на мир нашими глазами, имея близкие понятия о его ценностях.

Как то в самом начале моего знакомства с этим уникальным человеком, он очень подробно начал интересоваться тем, чем я занимался весь предшествующий период жизни. Времени у нас было предостаточно. Впереди нас ожидала недельная конференция в каком-то подмосковном доме отдыха. Поначалу я хотел ему рассказать о себе выборочно, но он категорически запротестовал. Он попросил меня рассказывать с самого начала, как только я себя помню. И только сейчас до меня начало доходить, почему его интересовали, казалось, никому не нужные подробности жизни постороннего ему человека, тем более детского периода. Сейчас многое мне стало понятно. Он, как и я, если обнаруживал человека, который как мне казалось, был ближе других по мироощущению, старался узнать об этом человеке все, и начиная с самого детства.

Вокруг этого человека, с самого его появления в моей жизни, я ощущал некое поле, притягивающее меня с необыкновенной силой. Мне с ним было комфортно и уютно, о чем бы мы ни беседовали. Йоги называют поле, существующее вокруг каждого человека, аурой, которая содержит его главные качества, возможно, это то, что называют духом.

Что касается меня, то я воспринимал его ауру, как поле бесконечной доброты и понимания чего-то такого, что словами выразить невозможно. А теперь, конечно, его мне не хватает, как и многих других близких мне по духу людей. В некоторых вопросах я и сам иногда веду себя как он. Пытаюсь у людей отыскать такие невидимые нити, которые бы нас связывали. И если кому-то со мной комфортно или кто-то нуждается во мне, мне кажется, что мне тогда удастся приблизиться к своему Гуру или его ауре.

Во времена хаоса безверья, подмены тех жизненных ценностей, которыми я руководствовался в юности, его появление я воспринял равно приходу мессии. Не зря ведь говорят, Учитель появляется тогда, когда готов Ученик! И еще, как давно сказал Ремарк: «В темные времена хорошо видно светлых людей!» Таким и был мой Ляпин.

Свела судьба нас в одном институте, куда я пришел после относительно длительного перерыва в своей работе, которые были связаны с длительно тянувшимися за мной «хвостами» Чернобыля. Он появлялся у нас редко, иногда брал на оформление какую-нибудь статью и определял ее в разные журналы. По-видимому, у редакторов изданий он пользовался непререкаемым авторитетом.

Из всех окружающих он довольно быстро выбрал и приблизил к себе двоих, – моего студента из прошлой моей жизни и меня. Под прошлой жизнью, я понимаю времена до перестро-ечного периода, когда и я и мои коллеги занимались увлекательной программой подготовки

марсианской экспедиции. А если быть более точным – созданием специального ракетного двигателя для ее реалистического осуществления.

Нашего Ляпушку интересовало все, – чем я занимался раньше до прихода в «Академию Магии и Волшебства», и что меня занимает сейчас?

– Если хочешь понять человека, мотивы его поведения и поступки, необходимо пройти весь путь с ним с самого начала, – говорит мне как-то мой Ляпа. – Ты рассказывай все, что считаешь необходимым, а я выберу для себя то, что необходимо и интересно мне.

Не сразу, конечно, рассказал я ему о наиболее ярких впечатлениях своего детства и юности, рассказывал ему и о тех людях, которые оставили на мне свой прочный отпечаток. Так мы сдружились. Времени у нас было предостаточно, а о таком собеседнике можно было только мечтать. Но более всего я возвращался ко времени своего «марсианского» пути.

Сам он частенько читал нам бесплатные лекции о невероятных свойствах простой воды. Здесь я был полным сторонником воззрений профессора, поскольку, сколько себя помню, всегда любил смотреть на воду, разглядывать узоры снежинок на стекле, ну и вообще конечно нырять, плавать и старался проводить все свое свободное время в воде или поблизости.

Но больше всего мне с Сашкой-Студентом нравились дискуссии профессора с нашим Магом, они походили на исполнителей оперных арий с партией мужского и женского голоса. Для меня одной из таких образцовых партий является дуэт из оперы Майбороды «Наталка Полтавка». Там, одновременно, разными голосами исполняются разные тексты. Причем каждый из исполнителей совершенно не слушает и не слышит другого! Так, к примеру, в мужской партии басом звучат слова: «Ой, Наталка, годи буде, перестань уже кричать», а в это самое время голосом меццо-сопрано исполняется текст: «Та, нехай, почують люди, ни не буду я молчать!» Я часто исполняю эту арию двумя голосами своей жене, по очереди каждую партию, конечно, поэтому хорошо помню замечательные тексты этой знаменитой оперы.

Ляпушка был необыкновенным человеком. Имел техническое образование, ученую степень доктора и звание профессора, в послевоенное время служил в технической разведке, знал несколько языков, участвовал в реализации проекта по атомной бомбе. Как-то с Сашкой-студентом, мы навестили его на квартире, где он проживал со своим громадным черным котом. Из-за своего устрашающего вида и схожести с образом кота из главного творения Булгакова, к нему мной сразу же было приклеено имя Бегемот. Как только мы появились на квартире, кот расположился неподалеку от меня и всем своим видом показывал, что он дремлет, но это был обманный трюк!

Хозяин, между тем, вознамерился показать и рассказать нам то, чем он делился лишь с избранными. Он рассказывал нам о том, что происходит из староверов, приносил и показывал старинные иконы и реликвии. У смышленного Бегемота, видимо, разыграл ревностный инстинкт из-за повышенного внимания своего хозяина к гостям; он спрыгнул со стула, поднял вверх хвост и, мимо меня, важно направился по направлению к своему хозяину. Но тут, видно, черт решил дернуть меня.

– Бегемоту надоел этот беспредел и наглость гостей, и он отправился на защиту своего друга-хозяина.

Стоило мне произнести эту фразу, как кот издал воинственный клич, вскочил мне на коленку и когтями изо всех кошачьих сил рванул штанину, выдрал огромный клоч ткани. Потом также грациозно, спрыгнув с шипением, забился под стул, на котором сидел хозяин. Эти штаны я берегу как своеобразную реликвию и память о своем Ляпушке и его коте, уже почти восемь лет. Хоть прошло и немало времени с тех пор, позитивная аура моего Гуру словно окружает меня до сих пор. А иногда мы с ним даже беседуем.

На удивление на «марсианскую» траекторию я попал, вроде как бы, случайно, однако размышляя над некоторыми загадочными обстоятельствами своей биографии, складывалось впечатление, будто бы кто-то невидимый словно вел меня за руку. В то время, когда период,

связанный с подготовкой различных концептуальных решений этого полета, созрел и приближался к своему завершению, в то время и начиналась практическая реализация этого проекта, в это время и судьба вывела меня на эту орбиту.

Масштаб задачи и цена высадки человека на поверхность Марса была огромна, такой она и остается по настоящий день. Об этом можно рассказывать бесконечно, тем более что в эту тематику я был погружен в наиболее энергичный период своей биографии.

Андрей Григорьевич был замечательным слушателем, его интересовали детали проекта, о существовании которого он даже не подозревал, хоть это было и не удивительно из-за повышенной закрытости всех этих работ. Может быть, потому я так подробно рассказал ему проблематику подготовки марсианской экспедиции, с которой сейчас снят гриф повышенной секретности и, не опасаясь последствий, я сейчас могу поделиться некоторыми сторонами этого без преувеличения фантастического проекта с читателем.

Тем более что вокруг этой почти забытой темы, сейчас опять начинается какая-то мышиная возня. Появились слухи и сообщения даже о готовящейся колонизации Марса! Причем даже с высоких трибун, оглашаются сроки и примерный сценарий ее осуществления. Прозвучали даже цифры, характеризующие длительность такого полета с билетом в один конец для членов экипажа!

У меня, конечно же, есть своя оценка всего происходившего, есть и собственное мнение, не претендующее на истину в последней инстанции, относительно дальнейших планов покорения землянами Марса, как впрочем, и других планет.

А что еще могут породить заморские умы, как не абсолютно безнравственную со всех точек зрения идею односторонней отправки людей на Марс, со всеми прелестями колониционных захватов, в свое время, «свободных» территорий планеты Земля. Самый поверхностный взгляд на проблематику отправки экспедиции на Марс на основе стандартных технологий в ракетно-космической области показывает на сегодня абсурдность подобной затеи. И речь здесь идет не о технических возможностях или политических мотивах, а скорее по нравственным и этическим представлениям. Вред, нанесенной экосистеме Земли многочисленными стартами грузовых кораблей для вывода на околоземную орбиту всего, что для этого потребуется, никто оценить не пытался. Но все по порядку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.